

INSPIRIA

От создателя сериала
«КАК Я ВСТРЕТИЛ
ВАШУ МАМУ»

У вас один общий друг

КАРТЕР БЭЙС

INSPIRIA

Картер Бэйс

У вас один общий друг

Серия «Cupsake. Книги с окошками»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69144031

*У вас один общий друг:
ISBN 978-5-04-185964-0*

Аннотация

От создателя сериала «Как я встретил вашу маму».

Вас ждет увлекательная история, действие которое разворачивается на фоне атмосферного Манхэттена. Но самое интересное, что одна из глав рассказана от лица компьютера!

Картер Бэйс, создатель сериала «Как я встретил вашу маму», знает толк в увлекательных историях. Его новые герои ищут смысл жизни, обретают веру, влюбляются и расстаются, и все это делают, не выпуская телефоны из рук.

Элис мечтает стать врачом. У нее есть толстый желтый учебник и 93 дня, чтобы подготовиться к вступительным экзаменам.

Билл успешный айтишник. Он получил много денег от продажи своей доли бизнеса, но доллары не сделали его счастливым.

А еще есть Боберт, Роксана, Феликс и Памела, и каждый из них достоин внимания.

Судьбы всех героев удивительным образом связаны. Впереди – долгое лето на Манхэттене. Лето, которое изменит все.

«Это самый необычный и завораживающий роман, который я читал за последние годы. Картер Бэйс создал неряшливых, несовершенных и завораживающих персонажей». – Клэр Пули, британская писательница

«Очень добрая книга о том, что личные отношения намного важнее виртуальных. Интернет захватил заметную часть нашей жизни, но нельзя забывать о настоящих, живых друзьях и родственниках – только благодаря им мы становимся собой». – Юлия Хохлова, переводчик

Содержание

Книга 1	6
Глава 1	7
Глава 2	100
Глава 3	153
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Картер Бэйс

У вас один общий друг

Carter Bays

THE MUTUAL FRIEND

Copyright © Carter Bays, 2021

This edition published by arrangement with Levine Greenberg

Rostan Literary Agency and Synopsis Literary Agency

© Хохлова Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2023

Посвящается Дениз

Мы никогда не осознаем себя.

Мы две бездны – колодец,

глядящий на Небо.

Фернандо Пессоа. Книга непокоя¹

- _ Ψ ()_ / -

Автор неизвестен

---

¹ Перевод А. Дунаева. Издательство «Ад Маргинем Пресс», 2018. (Здесь и далее прим. перев.)

Книга 1

Мир

Глава 1

Созвездия

Что сказал буддийский монах продавцу хот-догов?

Знаете, чем плохо рассказывать анекдоты самому себе? Не смешно, ведь ты в курсе, в чем соль. А я в курсе, в чем соль. Мне известны все анекдоты на свете, ибо я всеведущ. Я все знаю, все вижу. Это – факты, а факты – это я. Я – рассказчик. Я – слушатель. Я – огонь. Я – звезды.

Июньским днем, в разгар сумбурного подросткового возраста нынешнего столетия, в Центральном парке погиб человек. Он шел на работу в наушниках, блуждая по дебрям своей обширной музыкальной библиотеки, когда на его пути оказалась велосипедная дорожка; впрочем, «дорожка» – не вполне подходящее слово, скорее лента черного асфальта, пролегающая сквозь зелень. Человек посмотрел по сторонам, убедился, что никого нет, и принялся переходить на другую сторону, однако дуновение ветерка навело его на мысль, что пора подстричься, поэтому он остановился прямо посреди дорожки и открыл в телефоне список дел. Он сосредоточенно смотрел себе в ладонь, отстукивая большим пальцем быстрое «тук-тук-тук», и где-то между пятым и шестым туком вынырнувший неизвестно откуда синий гоночный велосипед на огромной скорости врезался в беднягу и практически переехал пополам.

Люди прибежали на помощь, но помочь было уже нечем. В ушах у человека оставались наушники, и когда жизнь стала ускользать от него, песня закончилась и началась другая. Небесные струны понесли его ввысь под «Звездную пыль» в исполнении Нэта Кинга Коула, чей голос из тысяча девятьсот пятьдесят седьмого, презрев время, звучал в две тысячи пятнадцатом. Человек не хотел слушать эту песню, последним его побуждением было переключить на следующую, однако вместо этого он переключил сам себя, переместившись в иной мир, а мелодия все звучала, и в списке дел по-прежнему значилось: «Стрижк...»

– Не хочу сказать, что парень сам виноват, – заметил сотрудник пресс-службы мэрии Кервис, нависая над рабочим местом Рокси, – хотя вообще-то он игрался с телефоном прямо на велосипедной дорожке. История, конечно, грустная, но ум-то надо иметь!

Действительно, история грустная, согласилась Рокси.

– Уже второй труп за год, а еще только июнь, – продолжил Кервис. – Вероятно, нам все-таки придется закрыть велодорожки. Огребем кучу жалоб от Союза велосипедистов, однако если под колесами гибнут люди, что эти кляузники могут нам предъявить?

Рокси пожала плечами. Она понятия не имела, что эти кляузники могут предъявить.

– В любом случае, – заявил Кервис, – я считаю, нужно запустить общегородскую кампанию, чтобы заставить пеше-

ходов оторваться от телефонов. Например, «Нью-Йорк, выше голову!». Или «Нью-Йорк, посмотри вверх!» Или «Нью-Йорк, оглянись!»

Рокси сказала, что один из вариантов звучит идеально.

– Который? – уточнил Кервис. – Ау, Рокси!

Та оторвалась от телефона.

– Что, прости?

– Какой из вариантов звучит идеально?

– М-м... можешь повторить?

Он повторил.

– Тот, который в середине. Да, точно он.

Кервиса тревожило, что мнение его ассистентки Рокси так много для него значит. А еще – что на самом деле она не совсем его ассистентка. Рокси находилась ниже по служебной лестнице, он имел право давать ей распоряжения, но она не была его личной ассистенткой, и это его беспокоило. Кроме того, он переживал, что девушка плохо работает: пропускает его слова мимо ушей, халатно относится к обязанностям, возможно, даже не голосовала за мэра и к тому же не соблюдала дресс-код (сегодняшний комбинезон – не исключение). Рокси была слабым звеном в команде. Это тоже не давало покоя Кервису, ведь именно он ее нанял. Однако сильнее всего тревожила красота коллеги, которая с каждым днем становилась все неотразимее (вероятно, комбинезон как-то поспособствовал).

– Так, мне пора на совещание, – проговорил он. – Кажется,

босс не в настроении. Возможно, дело затянется надолго. Не возражаешь, если придется немного задержаться?

Рокси не возражала. Кервис ушел, и следующие сорок пять минут она просидела за рабочим столом в пустом офисе пресс-службы. Нижняя часть тела лениво раскачивалась туда-сюда, зато верхняя оставалась неподвижной – локти уперты в стол, в руке телефон, взгляд устремлен в экран. Рокси действительно ничего не имела против того, чтобы задержаться на работе. Уйди она на час раньше, занималась бы тем же самым у себя на кухне. Дома или в мэрии, без разницы; где бы Рокси ни находилась, мыслями она пребывала не здесь.

В ее «здесь» велосипедные аварии не казались чем-то важным. Здесь ничто не казалось важным, кругом мелькала реклама и все обсуждали выход нового реалити-шоу «Темная сторона любви» (что за дурацкое название!). Рокси не терпелось вернуться домой и посмотреть первую серию, однако она продолжала глазеть в экран, ведь здесь столько всего можно посмотреть. Здесь всегда есть что посмотреть. Женатого политика застукали с любовницей – Рокси развесялилась; ребенок-инвалид взобрался на высокую скалу – Рокси воодушевилась; друг похвастался, что купил дом, – Рокси позавидовала; ученые подтвердили, что уровень мирового океана повышается, – Рокси испугалась; панда надела пластиковое ведро себе на голову – Рокси расхохоталась, и так далее, и так далее. Каждая эмоция начисто сти-

рала предыдущую с грифельной доски сознания. В Лос-Анджелесе землетрясение. «Кто-нибудь еще это чувствует?» – «Ни фиги себе!» Рокси встревожилась, но тут бьюти-блогерша, чьи мастер-классы по макияжу она обожала, ретвитнула ссылку «Чихуахуа или черничный маффин?». Девушка прошла по ссылке и попала в новое «здесь». Ее взору представила серия фотографий чихуахуа и черничных маффинов, а также маффинов, похожих на чихуахуа, и чихуахуа, похожих на маффины: зрителям предлагалось определить, кто есть кто. Рокси рассмеялась; во внешнем мире, за пределами телефона, негромкий смех дробно рассыпался по пустому кабинету.

Внезапно ее посетила новая мысль. Может, блестящие глаза чихуахуа, похожие на черничины, пробудили инстинкт размножения, а может, маффины вызвали слюноотделение; в результате то ли внизу живота, то ли в мозжечке возник знакомый импульс, и Рокси переместилась в очередное «здесь» под названием «Флиртариум», где она познакомилась с Бобом.

Боб первым ее заметил и тут же лайкнул. Ну еще бы – в этом «здесь» Рокси присутствовала в одном из своих лучших образов: не утомленная сотрудница пресс-службы в комбинезоне, а неотразимая красотка в платье и при макияже, с новогодней вечеринки трехлетней давности (тогда она была моложе и свежее, меньше весила и больше спала). Здесь роскошные рыжие кудри не спрятаны под шапкой и не стянуты

в хвост, а развеваются по сторонам, напоминая фейерверк. Здесь на губах играет улыбка, предназначенная всем и каждому: новому году, камере, фотографу, присутствующим в зале, всем жителям Земли и, наконец, – в этом «здесь» – лично Бобу. Боб увидел улыбку, волосы и платье и, вероятно, понял, что хочет ее, поскольку движением большого пальца, стоившим ему всего одну калорию, сконцентрировался на желании и отправил информацию о нем прямиком из мозга в мир Рокси, запустив цепочку последующих событий.

Это произошло час назад. Теперь же Рокси открыла «Флиртариум» и обнаружила там Боба, улыбчивого Боба с ямочками на щеках, мечтающего о встрече. Он был красив, но здесь других не бывает. Здесь каждый хорош настолько, насколько хороша его самая лучшая фотография, а в мире не существовало более совершенного изображения Боба, чем то, которое увидела Рокси. Он никогда так удачно не причесывался. Стильная прическа, обаятельная улыбка и поставленный лайк – этого оказалось достаточно. Еще одна потраченная калория, и телефоны синхронно тренькнули, объявляя: Боб и Рокси образовали пару.

Кервис вернулся с совещания и радостно объявил, что боссу вроде бы приглянулся вариант «Нью-Йорк, посмотри вверх!». Рокси молча собрала вещи и пошла домой. Спустившись в метро и сев на поезд, следующий в сторону Морнингсайд-Хайтс, она проверила погоду, посмотрела видео с подборкой самых неудачных макияжей, вычислила несколь-

ких чихуахуа, затерявшихся среди мафффинов, и пофлиртывала еще с тремя парнями. Боба унесло течением из лагуны ее внимания, и теперь он бултыхался где-то на задворках памяти вместе с прочим информационным хламом.

Однако этим же вечером, когда Рокси, полусонная, лежала в постели, кайфуя от шоу «Темная сторона любви», от Боба пришло сообщение.

– Можно быть с тобой откровенным? – написал он.

Рокси слишком устала для флирта. Она уснула, а утром, поскольку Боб по-прежнему казался ей симпатичным, ответила ему, пока чистила зубы. Сперва хотелось придумать что-нибудь остроумное, однако потом она решила: парень не настолько симпатичный, чтобы целое утро ломать голову над ответом, к тому же ей пора бежать на работу, поэтому не стала заморачиваться.

– Конечно.

– Ладно, – быстро отозвался Боб. – Ты у меня первая.

– Первая?

– Да.

– В каком смысле?

– Ну первая, с кем я здесь познакомился. Я новенький. – И немного погода добавил: – Как я справляюсь?

К тому времени Рокси уже находилась на рабочем месте. У нее было много дел, но все же она выкроила минутку, чтобы принять подачу.

– Отлично. С виду и не скажешь, что новичок.

– Ха-ха, спасибо. Никогда не пользовался сайтами знакомств. Решил попробовать. Создал профиль, заполнил анкету – надеюсь, фотография годная. Потом стал разбираться, что к чему, и увидел тебя. Такая вот история. Кстати, меня зовут Боб. Классное платье.

– А я Рокси. Спасибо.

На экране появились точки. Боб печатал. Рокси взглянула на его анкету: Боб, сорок лет, не женат, образовал с вами пару.

– Ты в разводе? – спросила она.

Точки исчезли, будто Боб что-то стирал, потом пришел ответ:

– Нет. А что, похож на разведенного? Ха-ха.

– Значит, женат? Гуляешь на стороне?

– Нет, не женат и никогда не был.

– Кажется, ты оправдываешься, Боб. Ладно, я не осуждаю. Жизнь длинная, люди устают друг от друга.

Еще одна долгая пауза, заполненная точками. Похоже, Боб долго писал, затем стирал, потом снова писал и стирал. В конце концов на экране появились всего три слова:

– Я не женат.

– Ладно, верю, – написала Рокси. Боб не ответил. Через час, во время обеденного перерыва, стирая с зубов налипший кусочек капусты из салата, она добавила: – Прости, я не пытаюсь тебя осуждать или типа того. Просто немного странно, что ты новичок в таких делах.

– Видимо, я странный, – быстро откликнулся он.

– Только что завершил длительные отношения?

– Нет.

– Значит, сейчас в длительных отношениях?

Короткая пауза, затем ответ:

– Нет.

– Не хочу занудствовать, только не понимаю, как ты умудрился прожить до сорока лет холостяком и не завести приложение для знакомств, хотя бы из любопытства. Неужели тебе ни разу не было одиноко? – Внезапно Рокси решила, что прилагает слишком много усилий для поддержания разговора. В конце концов, ей-то какая разница? Она вышла из приложения. Чихуахуа. Чихуахуа. Черничный маффин.

– Я не думал, что придется знакомиться в интернете, – ответил Боб. – Рассчитывал найти родственную душу в реальной жизни – на работе, на вечеринке, через друзей. Я долго надеялся, что это однажды произойдет, но... мои надежды не оправдались.

Рокси прочитала сообщение в пустом вагоне метро. Честность Боба ее позабавила.

– Значит, вот почему ты здесь, Боб? Хочешь найти родственную душу?

– Разве остальные хотят не того же?

– Полагаю, большинству нужно нечто другое.

– Что именно?

Рокси отправила серию эмодзи – в основном фрукты и

овощи.

– Понятно. – Через мгновение Боб осмелился спросить: – А ты здесь зачем?

Рокси улыбнулась и начала писать честный ответ: серию эмодзи – в основном фрукты и овощи. Она не искала длительных отношений. Вероятно, когда-нибудь она надумает завести бойфренда или даже больше чем бойфренда, и если такой день наступит, не станет считать себя лицемеркой, ведь это произойдет еще бог знает когда, а прямо сейчас Рокси хотелось того, чего хотелось, не больше и не меньше.

Ей вспомнились слова давней подруги Кариссы, сказанные в отпуске на Косумеле, еще до того, как Карисса вышла замуж и муж вынудил ее перестать общаться с Рокси. Они сидели в баре на пляже, за Кариссой весь вечер увивался молодой человек. Он спросил, какого парня она ищет, и получил ответ: «Ищу мужа. Желательно чужого». Рокси и остальные девчонки хохотали до колик. Сейчас ребенку Кариссы четыре года, в ее фейсбуке² – сплошные фотографии из детского сада. Карисса исчезла из жизни Рокси, так что не грех позаимствовать удачную фразу.

– Ищу мужа. – Рокси сделала многозначительную паузу, но стоило напечатать «желательно чужого» и поставить подмигивающий смайлик, как шутка показалась пошлой и совсем не такой смешной, как в устах Кариссы. Наверное, на

---

² Деятельность социальной сети Facebook запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (*здесь и далее*).

нетрезвую голову это действительно звучало остроумно, а сейчас надо придумать что-то другое... Поезд со скрежетом затормозил, телефон выпал у Рокси из рук, заскользил по полу, словно шайба, и в результате очутился в луже неизвестной жидкости.

– ЧЕРТ! – Рокси опрометью метнулась в другой конец вагона, схватила телефон и принялась трясти, стряхивая капли. Потом, порывшись в сумочке, выудила флакончик санитайзера, выдавила пару щедрых порций геля и принялась остервенело растирать телефон бумажными платками, словно от этого он станет достаточно чистым, чтобы его можно было поднести к лицу. (Разумеется, не станет.)

Рокси нажала кнопку включения. Безрезультатно. Она подержала кнопку пять секунд, десять, пятнадцать, словно врач, пытающийся реанимировать мертвое тело. Большой палец побелел от напряжения. По-прежнему ничего.

Выйдя из метро на Бродвее, Рокси купила в ближайшем магазинчике пакет риса. Дома она положила телефон в миску с рисом, прождала самый длинный час в своей жизни, затем вынула смартфон и произнесла краткую молитву.

На черном экране появилось белое яблоко жизни.

«Флиртариум». Новые сообщения. Рокси нажала на иконку.

– Ищу мужа.

– Ха-ха. Ты серьезно? Здорово! Откровенность за откровенность – я ищу жену. Отрадно знать, что я не одинок. Эй,

ты еще здесь? Может, на тебя упал валун? Я чем-то тебя расстроил? Ладно, прости, что побеспокоил. Спасибо за приятную первую беседу. Круто, что ты честно пишешь о своих желаниях. По-моему, ты очень храбрая. Если передумаешь и захочешь встретиться в реале, дай знать. Пока. Не буду тебе надоедать. Счастливо.

Рокси не ответила. Она забыла про Боба, причем так крепко, что полтора дня спустя ей пришлось основательно напрычаться, чтобы вспомнить. Просматривая чат «Флиртариума» во время утренней пробежки, девушка хотела ответить совсем другому парню на приглашение встретиться в среду, но вместо этого написала «Да!» под сообщением, которое в ту же самую секунду пришло от Боба.

– Ладно, вот что, – писал он, – раз уж я никогда больше тебя не увижу и не исключаю версии, что на тебя действительно упал большой валун, хочу сказать: ты классная. Я с радостью встретился бы с тобой в реале. Может, слишком тороплюсь? Или уже опоздал? Не знаю, как здесь принято. Я хотел бы познакомиться поближе. Если, конечно, тебя не придавило валуном. Если нет, тогда тебе повезло. Если же на тебя действительно упал валун, или дерево, или борец сумо, или еще какая-нибудь тяжелая штука, может, поужинаем вместе?

– Да!

Рокси, не успев снять тренировочный костюм, застыла в ванной у раковины. Она перечитала сообщение, взглянула на

фотографию Боба, еще раз перечитала сообщение и решила: в этом парне что-то есть. Да, ботан, но поужинать с ним можно. Все равно она почти каждый вечер с кем-то ужинает. Румянец начал потихоньку сходить с ее щек. Чем черт не шутит? Вдруг они с этим Бобом поженятся и заведут детишек, если он не очень противный. Рокси снова взглянула на фотографию и мысленно расторгла помолвку. Нет, в мужья он не годится. Но губы у него ничего. Пожалуй, стоит с ним разок поцеловаться. А может, и не разок. Конечно, не следует обнадеживать беднягу, только почему бы не осчастливить красавчика хотя бы на одну ночь. Он уже большой мальчик – как-нибудь переживет, если его поматросят и бросят. Во всяком случае, будет ему урок, на ошибках учатся. Добро пожаловать во «Флиртариум», Боб. Здесь водятся драконы.

– Может, во вторник? – добавила она.

Почти мгновенно пришел ответ:

– Договорились.

А этот Боб держится весьма уверенно для новенького. Рокси поняла, что с радостью ожидает вторника. Она даже позволила себе написать: «Жду с нетерпением!», потом вернулась к просмотру «Темной стороны любви», затем переключилась на твиттер, а после этого прошла тест «Какая ты болезнь?».

ПЕРВОЕ ИМЯ:

«Элис», – напечатала она.

На самом деле, Элис – не первое ее первое имя. Первым именем Элис было Трут³. Седьмого июня тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года Трут и ее сестра-близняшка Джастис⁴ попали в приют Святого Луки. (Не трудитесь искать, приюта Святого Луки больше не существует, как и страны, чьих сирот он принимал.) Десятилетия спустя запись об их прибытии – первое письменное свидетельство существования Элис – была отсканирована, оцифрована и забыта. Мне неизвестно, как звали ее настоящих родителей, что они были за люди и почему не смогли оставить дочерей у себя. Ничего этого я не знаю. История Элис начинается у порога приюта Святого Луки.

Вскоре Джастис удочерили супруги из Норвегии по фамилии Хьяльмарссон. Знали ли Хьяльмарссоны, что у их приемной дочери есть сестра-близняшка? А если бы знали, то забрали бы обеих? Неизвестно. Вероятно, истина о существовании Трут оказалась от них скрытой, как и многие другие истины, скрытые от других супружеских пар, прежде чем

---

³ Трут (Truth) – истина (*англ.*).

⁴ Джастис (Justice) – справедливость (*англ.*).

серия судебных исков заставила приют Святого Луки прекратить свое существование. Как бы то ни было, Хьяльмарссоны вернулись домой с одной девочкой и были весьма этим довольны. Ей дали имя София. Что сказать о Софии Хьяльмарссон? Она выросла в Осло, ходила в школу, работала, вышла замуж – в общем, вела обычную жизнь. Если вам любопытно, в моем блокноте все записано. Но лично меня интересует не Джастис, а Трут.

Трут оставалась в приюте Святого Луки еще два месяца. А потом, в один прекрасный день, из далекого городка Катона, штат Нью-Йорк, прибыли Джон и Пенелопа Квик, и в этот момент в необъятном хаосе информации появляется вторая запись о девочке: документы об удочерении – заполненные, подписанные и надлежащим образом удостоверенные.

Далее, запись номер три: билет на самолет. Место в середине, для ребенка, лежащего в переноске между новыми родителями. Во время полета, где-то высоко над океаном, Трут превратилась в Элис.

Таким образом, двадцать восемь лет спустя ответом на вопрос «ПЕРВОЕ ИМЯ» стало «Элис».

Элис напечатала «Элис», как и много раз прежде на этой же самой странице. Только теперь все иначе, потому что следующего раза не будет. Пора уже заполнить анкету. Хватит тянуть. Не сдавайся. Не опускай руки.

ВТОРОЕ ИМЯ:

– Элис?

Элис оторвалась от телефона. Девятилетняя девочка по имени Тюлип дергала ее за рукав. В жаркие дни они ожидали автобус в прохладном мраморном фойе дома, в котором жила Тюлип, а не на остановке.

Элис взглянула на свою подопечную. В школьной форме и с туго заплетенными косичками девочка выглядела очень строгой. *Осталось три дня, а потом лето.*

– Что?

– Мы пропустили автобус.

Элис подскочила на месте и метнулась к окну.

– Черт!

Луис, швейцар, засмеялся себе под нос. По Пятой авеню уезжал автобус. «Блин, – подумала Элис. – Я сказала “черт” при Тюлип».

– Чепуха, – проговорила она, будто слова могли что-то исправить. – Сядем на следующий.

– Но это же был наш автобус.

– Он ушел. Наш будет следующий.

Элис улыбнулась Тюлип. Девочка, кажется, удовлетворилась таким ответом.

– Можно поиграть на планшете?

– Нет.

Элис вернулась к анкете.

ВТОРОЕ ИМЯ:

– Что ты делаешь?

– Кое-что заполняю.

– Что заполняешь?

– То, что нужно заполнить.

– Что именно?

– Тюлип, не мешай.

ВТОРОЕ ИМЯ:

– Тебе нравится работать няней?

– В смысле? Я люблю тебя, солнышко.

– Ты не ответила на вопрос.

Элис сдалась. Она убрала телефон в сумочку и присела на корточки перед девочкой, оказавшись к ней лицом к лицу.

– Тюлип, – проговорила она. – Сейчас я скажу очень важную вещь, которую тебе нужно знать о жизни. Готова? Смотри мне прямо в глаза. Слушай только мой голос. Знаешь, что мы сейчас делаем? Это называется «концентрироваться». Если у тебя получится, если сможешь полностью сосредоточиться и ни на что не отвлекаться, тогда твои возможности безгра...

– Мы пропустили следующий автобус.

Элис подбежала к двери и выглянула наружу. По Пятой авеню уезжал автобус. На его борту красовалась реклама нового шоу «Темная сторона любви» со слоганом, написанным здоровенными желтыми буквами: «Чего ты хочешь на самом деле?»

Элис вздохнула.

– Черт.

По стенам маленькой спальни медленно ползли длинные лучи вечернего солнца. Элис лежала на кровати, уткнувшись в ноутбук. Рядом стояла птичья клетка, в которой обитал ке-нар Гэри. Сейчас он увлеченно клевал семечко.

Закладки. Белая стрелочка неуверенно скользнула к надписи «Регистрация на MCAT⁵». Элис знала – если кликнет, то обязательно заполнит анкету, ведь если она ее откроет, то не закроет, пока не заполнит, потому что нельзя сдаваться, нельзя опускать руки. Поэтому она не стала кликать на закладку, а вместо этого открыла фейсбук.

«#пулявжелудок» – написал ее одноклассник Дэйв, демонстрируя сооруженный им сэндвич.

«Номер восемь взорвал мне мозг!» – заявил неизвестный, представляя десятку детей-знаменитостей, которые выросли и невероятно разжирели.

«Помолвлена!» – объявила Келли (Элис вместе с ней снимала квартиру).

«Он не должен был погибнуть», – негодовал Том, с которым Элис один раз сходила на свидание, под статьей о вчерашней трагедии в Центральном парке. «ПОХОЖЕ, ТЫ

---

⁵ MCAT (Medical College Admission Test) – экзамен для поступающих на медицинские факультеты учебных заведений США.

ВООБЩЕ НЕ ПОНИМАЕШЬ СУТЬ ПРОБЛЕМЫ», – ответил друг Тома, велосипедист Брок, а потом возмущенно пояснил, что, во-первых... так, погодите-ка. Элис прокрутила чуть выше.

«Помолвлена!» – объявила Келли.

Элис отправилась на кухню, где Келли и ее новоиспеченный жених Пыхтяй ужинали готовой едой из ресторана «Халляль Гайз» и вполголоса о чем-то беседовали. Пыхтяй коллекционировал и реставрировал пишущие машинки, у него их насчитывалось не меньше сотни. Келли познакомилась с ним всего три месяца назад, но в последнее время он оставался у нее почти каждую ночь, полностью заслужив прозвище, которое втайне придумала для него Элис.

– Ты помолвлена?

Келли обернулась. В ее взгляде мелькнула паника, тут же сменившаяся радостью.

– Да, только что!

– Поздравляю! – Элис от души обняла подругу. – Не могу поверить, что узнала об этом на фейсбуке! Обалдеть!

Келли согласилась, что это обалдеть, а потом ответила на важные вопросы: каким образом Пыхтяй сделал предложение, какая будет свадьба и приятно ли менять статус в фейсбуке. Наконец разговор коснулся насущного: Пыхтяй собирался переехать к Келли.

– Ну он и так здесь практически поселился – ничего особо не изменится. – Элис игриво потрепала Пыхтяя по плечу. –

Хотя... где он будет хранить свои пишущие машинки?

На лице Келли вновь отразилось смятение. На сей раз Элис поняла, в чем дело.

– В общем, меня вежливо попросили съехать, и я вежливо согласилась.

– Это возмутительно! – возмутился Билл, брат Элис. – Разве так можно? (Вообще-то, по закону нельзя, но Элис настолько растерялась, что даже не подумала почитать про свои права.) – И что, теперь тебе придется собрать вещи и просто... свалить?

– У меня всего пара чемоданов и клетка с Гэри.

Билл покачал головой и залпом допил «Маргариту». Дело происходило в Верхнем Вест-Сайде, в мексиканском ресторане под названием «Ла Баллена»⁶. Они расположились в патио, поскольку стоял прекрасный день, ибо в прекрасном мире Билла все дни прекрасны. На нем были солнцезащитные очки «Рэй-Бен» и светло-синяя рубашка с закатанными рукавами. Он заказал вторую «Маргариту». Почему бы и нет? Торопиться некуда.

– Если тебе нужно где-то перекантоваться, можешь пере-

---

⁶ La Ballena – кит (*исп.*).

ехать к нам. Хочешь – на время, а хочешь – навсегда! Ну конечно, живи у нас!

Элис рассмеялась.

– Нет, спасибо.

– Да, спасибо! Переезжай! Я настаиваю.

Билл настаивал, поскольку был богат, успешен и переполнен неиссякаемой энергией – высокий, с волнистыми волосами и напористой белозубой самоуверенностью Кеннеди-младшего. Элис не имела с ним общих генов, так что ничего этого ей не досталось. Все, чем она обладала, ей пришлось создавать с нуля.

– Вряд ли твоя жена обрадуется, если я поселюсь у вас, – сказала она. – Верно, Питтипэт?

Питтипэт оторвалась от телефона.

– Элис, – с южным акцентом протянула она, – ты же знаешь, мы всегда тебе рады. – И безупречно вежливо улыбнулась ледяной улыбкой.

– Ты же не всерьез, – проговорила Элис, раскрывая меню.

– Еще как всерьез, – ответил Билл.

– Еще как всерьез, – подтвердила Питтипэт.

– Даже если всерьез, – продолжила Элис, – я только что перестала быть диковинной домашней зверюшкой для одной счастливой пары и не хочу становиться диковинной домашней зверюшкой для другой.

– Понимаю. Может, поживешь у папы? – предложил Билл.

– Да ладно! Думаешь, я вернусь в Катону?

– Ну если нет другого выбора... наверняка он обрадуется возможности пообщаться.

– Ага, папа страсть как любит общаться.

Билл знал, что Элис права. Их отец любил своих детей, но в смысле общения напоминал кактус – телефонного звонка на день рождения и в Рождество для него было более чем достаточно.

Питтипэт удалилась в дамскую комнату. Элис с Биллом остались наедине. Невиданное дело – за последние три месяца они встречались уже в третий раз. Элис давно привыкла к отсутствию брата.

– Мне кажется, твоя жена рассердилась, – сказала она.

– Не-а, – ответил Билл.

У него звякнул телефон. Пришло сообщение от Питтипэт:

– Ты что, правда ее пригласил?!

Билл взглянул на Элис. Она взглянула на него. Он улыбнулся. Она улыбнулась в ответ. Он вернулся к телефону.

– Милая, я хорошо знаю сестру. Я был уверен, что она не согласится, но если бы я не предложил, она бы обиделась. Поэтому я предложил, заранее зная, что она откажется. Она и отказалась.

– Она не может жить у нас на диване, Билл.

– Во-первых, она не будет жить на диване. У нас есть гостевая комната с кроватью.

– Матрас на этой кровати тонкий, как тюфяк. На диване гораздо удобнее, там она и поселится.

– Она же сказала «нет»!

– Я только что купила этот диван! Разве ты не помнишь, сколько диванов мне пришлось перебрать, прежде чем удалось найти нужный?

– Да, это прекрасный диван, но разве Элис согласилась? Нет! Ты же слышала, она отказалась.

– У нее птица, Билл! Ты не поселишь в нашей квартире свою сестру с шумной птицей!

– Во-первых, Гэри не шумный. Он немой. Даже не чирикает. Во-вторых. Она. Сказала.

– Ты обещал, – перебила Питтипэт. – Лето для нас двоих. Только ты и я. Ты обещал.

Билл действительно обещал.

Посмотрим интервью, сделанное в начале года, – одно из многочисленных интервью, данных Биллом в преддверии большой сделки. В этом конкретном интервью (как и в остальных) журналист задал ему вопрос: «Что же такое “ХочуВотЭто”»?

– Сколько у меня времени на ответ?

Журналист рассмеялся.

– Чем короче, тем лучше.

– Типа, мини-презентация?

– Да, точно, мини-презентация.

Билл поерзал на сиденье и притворился, будто думает. Он уже тысячу раз рекламировал свое детище и каждый раз в начале рекламной речи делал вид, что не собирается ничего

рекламировать.

– Пожалуй, стоит сперва задаться вопросом – «зачем?». Зачем мы создаем технологии? Чтобы улучшить жизнь людей, дать им то, чего они хотят, прежде чем поймут, чего именно хотят. Успешная технология удовлетворяет потребности, прорывная технология их предвосхищает. С этого мы и начали: чем вас удивить? В чем наша фишка? А потом мы подумали...

– Вы и Зак.

– Верно. Зак – это Зак Шарбоно, мой давний партнер. Так вот, мы подумали: было бы круто создать приложение, которое подсказывает, чего ты хочешь, прежде чем ты реально этого захочешь. Вот мы его и создали.

– Круто, круто, – отозвался журналист по имени Гордон. – Расскажите, как все работает?

– С радостью. Представьте, что вы пользователь. Открываете приложение и – та-дам! – видите изображение того, что вы можете захотеть. Например, кусок пиццы. Хотите пиццы?

– Еще бы.

Оба рассмеялись.

– Ладно, это простой пример. Допустим, вы смотрите на пиццу и решаете, что ее хотите. Свайп вправо – и она уже на пути к вам. Очень легко. Не хотите? Свайп влево – появляется что-нибудь другое. Новая рубашка. Набор для изготовления свечей. Роман русского автора, который вы еще с колледжа собираетесь прочесть. Порнушка. Или не просто

порнушка, а какая-нибудь особенно извращенная, о существовании которой вы даже не подозревали, – например, все в мантиях волшебников. Возможно, окажется, что вы фанат порнушки с волшебниками, просто об этом не догадывались.

– А как алгоритм узнает, чего я хочу?

– Никак. Это важно. «ХочуВотЭто» ничего о вас не знает. Мы не используем ни анализ данных, ни контекстную рекламу. «ХочуВотЭто» получает информацию напрямую от вас, ориентируясь по вашему выбору, по игре «Двадцать вопросов»⁷ – будем надеяться, она выйдет за рамки двадцати вопросов. Вы листаете экран, пропуская то, что вам не интересно, и неизбежно натываетесь на вещь, которая заставит воскликнуть: «Да! Вот оно! Я и не знал, что мне это нужно, но теперь уверен: хочу вот это!»

Гордон восхищенно покачал головой и повернулся к камере.

– Билл Квик, разработчик приложения «ХочуВотЭто», дает людям то, чего они еще не успели пожелать. – Он вновь повернулся к Биллу. – Попробую угадать, чего хотите вы, – высокой стоимости акций, когда они выйдут на рынок.

– О да, хочу вот это, Гордон, – с застенчивой улыбкой отозвался Билл. – Очень хочу вот это.

И он получил то, чего хотел. «ХочуВотЭто» всем понра-

---

⁷ «Двадцать вопросов» – разговорная игра, популярная в США. На ее основе создана еженедельная радиовикторина. Чтобы узнать загаданное ведущим слово, игроки задают вопросы, на которые можно отвечать только «да» или «нет».

вилось, приложение стало мегапопулярным, а Билл и Питтипэт разбогатели. На вечеринках, званых ужинах и прочих мероприятиях Питтипэт постоянно приходилось подтверждать, что она обожает «ХочуВотЭто» и все время им пользуется. На самом деле она ни разу им не воспользовалась. Ей не требовалось. Питтипэт мастерски умела хотеть.

Питтипэт хотела того, другого, третьего – почему нет? В мире так много всего, а ей – или тем, кому предназначалось желаемое, – принадлежит так мало. Ею двигал не эгоизм, а осознание, что вселенские блага распределяются неравномерно, и это нужно исправить. Она хотела добросовестно, профессионально. Любимая папка Питтипэт на «Пинтересте» называлась «Хочу». Когда она чего-то хотела, то помещала объект желаний туда, чтобы хотеть внимательно, сосредоточенно, потом отойти на шаг, вернуться и напомнить себе: «Вот этого ты хочешь, Питтипэт».

А то, чего она хотела, – о, как она этого хотела! Шарфик «Эрме» с зодиакальным принтом. Пляжный дом на Род-Айленде с увитой плющом мансардой. Встреча старых друзей. Обои «Де Гурне» в китайском стиле с рисунком «Птица на ветке сакуры». Оттенок голубого – именно такой, как надо. Закон о контроле над оружием. Марципановые кролики. Губная помада, которую больше не выпускают. «Ягуар Марк 2» шестидесятого года. Квартира в довоенном доме на Пятой авеню. Ребенок.

Каково это – хотеть? Больно? Или восхитительно? Хотят

ли люди хотеть? Или они хотят хотеть больше ничего не хотеть?

Принесли гуактопус; если идешь в «Ла Баллену», надо обязательно заказать гуактопус. Билл рассказал, как впервые попробовал гуактопус в «Ла Баллене» в центре города. Тогда он был присяжным в суде, и они с другим парнем из присяжных пошли туда на обед. Как его звали? Феликс. Что с ним стало? Одно время они были в друзьях на фейсбуке, да и до сих пор в друзьях. Надо как-нибудь написать ему. В общем, это случилось задолго до того, как фуд-блоги сделали гуактопус популярным. Теперь его подают везде. Неудивительно: очень фотогеничное блюдо. Загляните в инстаграм⁸ – там тысячи фотографий гуактопусов. Вряд ли миру нужен еще один снимок, но Питтипэт все равно достала телефон.

– Погодите, не ешьте.

Элис положила чипс на пустую тарелку. Питтипэт сделала фото, потом еще одно для верности и наставила телефон на Элис.

– Улыбочку!

– Ладно. – Та поспешно улыбнулась.

Щелк. Питтипэт проверила снимок.

– Симпатично получилось. Отправлю тебе. – Элис кивнула. – Ужасно жаль, что так вышло с твоей квартирой. Но ведь через год ты уже будешь жить в общежитии, верно?

---

⁸ Деятельность социальной сети Instagram запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (*здесь и далее*).

– Почему?

– Медицинский факультет, – напомнила Питтипэт. –

Кстати, как дела с поступлением?

ПЕРВОЕ ИМЯ.

– Ах да! Все в порядке.

Билл оторвался от «Маргариты».

– Я бы вернулся в университетские времена. Было бы здорово. – Он сказал это таким тоном, будто увидел за соседним столиком шкворчащую фахиту⁹ и хотел бы заказать такую же.

ДИНЬ! Элис взглянула на телефон: Питтипэт прислала ей фотографию. Странное дело – девушка на снимке выглядела счастливой. На лице сияла удивленная улыбка, в мягких солнечных лучах высветились веснушки. На мгновение Элис подумала, что невестка запечатлела ее истинную сущность, которую она тщательно скрывала даже от самой себя, – спокойную, довольную жизнью. Только потом вспомнила: это не ее истинная сущность. Она не спокойна. Не довольна жизнью.

Но все равно сохранила фото. Подойдет для аватарки.

---

⁹ Фахита – блюдо мексиканской кухни: нарезанное ломтиками жареное мясо, завернутое в лепешку.

Стоял теплый день, с Гудзона дул приятный ветерок, поэтому трое Квиков решили прогуляться по Риверсайд-парку до дома Билла и Питтипэт на Сто тринадцатой авеню. Деревья покачивали ветвями, будто в танце, между листьями вспыхивали бесчисленные солнечные искры. Билл восхищенно озирался, словно наблюдал подобное впервые.

– Странно видеть его таким, – сказала Элис. Они с Питтипэт шли на пару шагов позади Билла, но разговаривали достаточно громко, чтобы он мог их слышать.

– В смысле, странно вообще его видеть?

– Да. Странно вообще его видеть. – Элис рассмеялась.

– Я просто радуюсь тому, что он рядом, – отозвалась Питтипэт. – Скоро он найдет себе новое увлечение и снова обо мне забудет.

Билл повернулся к ним.

– Ни за что.

– Да ладно, – сказала Элис. – Твоя фишка в том, что тебе постоянно нужна фишка. Твоей фишкой было «Хочу Вот-Это». Скоро появится новая.

– Не нужна мне никакая фишка.

– Еще как нужна. У тебя всегда была какая-нибудь фишка. В старшей школе – барабаны, до этого – игрушечные поезда.

– Игрушечные поезда? – со смехом переспросила Питтипэт.

– Это было минутное увлечение, – ответил Билл. – И не

нужна мне никакая фишка. Я устал крутиться как белка в колесе. С меня довольно.

Они пошли дальше.

– Какие на сегодня планы? – поинтересовалась Питтипэт у Элис.

– Иду смотреть квартиру. Кстати, это недалеко – на углу Сто одиннадцатой и Амстердам-авеню.

Питтипэт неожиданно обрадовалась.

– Ой, как здорово! Мы будем соседями! Район тебе понравится. Здесь нет крутых ресторанов, зато есть хорошие рестораны, и некоторые из этих хороших довольно круты.

– Не сомневаюсь.

– Риверсайд-парк очень красивый, рядом Колумбийский университет. В общем, колоритное местечко. Как вон тот парень. – Питтипэт указала на молодого человека на другой стороне улицы, прогуливающегося вдоль каменной ограды парка, – большого, похожего на медведя, с длинными черными волосами и бородой, в черном пальто, совсем не подходящем для сегодняшней теплой погоды. – Мы постоянно его встречаем. Билл называет его Вездесущим. Ты его раньше видела?

– Нет, – ответила Элис.

– Еще увидишь. И не только в этом районе. Мы замечаем его по всему городу. Однажды я встретила его даже в Бэттери-парке.

Вездесущий, будто услышав, что речь идет о нем, посмот-

рел в их сторону, но прежде чем Элис и Питтипэт успели смущенно улыбнуться, снова уставился себе под ноги, словно мучительно размышляя над трудноразрешимой задачей. «Интересно, о чем он думает?» – спросила себя Элис, однако не успела над этим поразмыслить, потому что едва не врезалась в Билла.

Тот остановился перед непримечательным невысоким строением, похожим на старую муниципальную школу, неведь как затесавшуюся между роскошными зданиями Риверсайда. Казенные бетонные ступени вели к входной двери, рядом с которой располагалась широкая терраса. В этом здании не было решительно ничего интересного, за исключением стоящей на террасе позеленевшей бронзовой статуи средневекового буддийского монаха.

Табличка гласила, что это Синран Сёнин, японский монах, живший в двенадцатом веке.

Все трое молча смотрели на исполинскую статую.

– Синран Сёнин, – наконец произнес Билл. – Давно он здесь стоит?

Никто не знал.

– Я четыре года здесь живу. Как же я не замечал Синрана Сёнина?

Опять же никто не знал. Они пошли дальше.

Расставшись с Биллом и Питтипэт на углу Ривер-сайд-драйв и Сто одиннадцатой улицы, Элис направилась вверх по склону холма. От влажного воздуха теснило в груди. В душу неумолимо закрадывалось беспокойство. Элис была рада повидаться с братом. С ним она чувствовала себя свободно. У него всегда находилось доброе слово, да и на подарки он не скупился. Однако после дня, проведенного в его тени, на нее обрушивалась пустота. Билл – взрослый, и не просто взрослый, а сделавший карьеру и успешно ее завершивший, практически пенсионер. У него красавица-жена и квартира в доме со швейцаром, а она, Элис, до сих пор работает няней.

На противоположной стороне улицы две женщины в зеленых медицинских костюмах пили кофе в уличном кафе.

Все, что нужно, – поступить на медицинский факультет. Элис уже двадцать восемь. Это последний шанс на поступление, последняя возможность стать врачом. Скоро Билл и Питтипэт заведут ребенка – они намекали, что этот волнительный проект может стартовать уже осенью. Элис с радостью готова была стать тетушкой, но мысль о том, что она сама совершенно не устроена в жизни, приводила ее в ужас.

«Надо зарегистрироваться, – сказала она себе. – Прямо

сейчас. Здесь, на улице, под солнышком».

Элис достала телефон, кликнула на закладку и открыла анкету.

ПЕРВОЕ ИМЯ: Элис. Готово!

ВТОРОЕ ИМЯ: Каллиопа.

Ее отец увлекался историей Древней Греции, в результате ей досталось греческое имя. В детстве, когда Элис что-то ломала или проливала, мама называла дочку Элис Катастрофа Квик. Элис обижалась, и с каждым разом расстояние между ней и матерью становилось чуть больше. Папа пытался убедить ее, что катастрофа – далеко не всегда плохо, но девочка не верила. Это такое понятие из греческой драмы, сама почитай, говорил он, даже специальное слово есть. Какое же? Элис не помнила. Она открыла «гугл». Катастрофа – финальная часть классической трагедии, следующая после протасиса, эпитасиса и катастасиса. Но разве катастрофа может быть хорошей? Элис загуглила «хорошая катастрофа» – да, вот оно, слово, которое уже пятнадцать лет как стерлось из памяти: «эвкатастрофа». *Посмотри на себя, эвкатастрофа.* Неожиданное решение неразрешимой проблемы. Эвкатастрофу часто путают с «богом из машины»¹⁰, потому что этот термин часто используют в уничижительном смысле, ведь

---

¹⁰ Deus ex machina (лат. «бог из машины») – термин из античного театра: в развязке спектакля появляется бог, решающий проблемы героев (как правило, появление происходит при помощи специальных механизмов – например, бог спускается с неба). В современном языке это выражение означает неправдоподобное разрешение трудной ситуации.

бог не может находиться в машине, в жизни так не бывает.
Пора заниматься, Гуничка.

АДРЕС: 345 Ист-... *погодите, я же там больше не живу.* Что написать – адрес Билла или все-таки прежний адрес? Рано или поздно ей удастся подыскать квартиру, и она организует пересылку почты по новому месту жительства. В конце концов, разве Келли сложно поддержать у себя пару писем для изгнанной подруги? А они с Келли еще дружат? Элис вспомнила, что не лайкнула объявление о помолвке, зашла в фейсбук с намерением поставить лайк, чтобы не забыть, но обнаружила, что ее отметили на фотографии. Это был старый снимок Элис и ее подруги Мередит, сделанный много лет назад, в те времена, когда они вместе выступали в Карнеги-холле. Мередит часто постила подобные фотки, и Элис злилась. Вот они на снимке – Мередит со своей скрипкой, Элис за роялем, две маленькие девочки на огромной сцене, невероятно серьезные, отчаянно старающиеся выглядеть взрослыми. Господи, какая она тогда была целеустремленная. Ничто не могло ее остановить, даже Рахманинов потерпел поражение. Тяжело теперь смотреть на детские фотографии. Но еще тяжелее не смотреть.

– Элис?

Элис вернулась к реальности и обнаружила себя на крыльце дома 507 по Западной Сто одиннадцатой улице. Она прошла по Сто одиннадцатой до Бродвея, по привычке свернула с Бродвея на Сто девятую, исправилась и двинулась на во-

сток по Сто девятой до Амстердам-авеню, затем по Амстердам-авеню, мимо бара «Проблейз», мимо «Пекарни», далее на запад по Сто одиннадцатой и успела пройти еще четверть квартала – все это не отрываясь от телефона. Как ее не сбили на дороге? Удивительно. Как бы то ни было, ей удалось дойти до нужного места, а рыжеволосая женщина, только что назвавшая Элис по имени, – именно та, кого она ищет.

– Да, это я. Привет. Рокси?

Рокси предупреждающе подняла палец («погоди секунду»), ибо внимание девушки было приковано к собственному телефону. Она явно печатала что-то важное. Около минуты они молча стояли на пороге. Царила тишина. В однообразных бетонных зданиях присутствовало некоторое очарование старости. Вдали, за Амстердам-авеню, высилась серая громада собора Святого Иоанна Богослова. Элис часто проходила мимо него, но ни разу не заглядывала внутрь. Может, если поселится здесь, то заглянет. Она несколько лет не была в церкви. *Три года.* Рокси все еще печатала. Триста знаков. Триста пятьдесят. Большие пальцы непрерывно двигались, словно лапки маленькой собачки на пробежке.

– Я... дико... извиняюсь. – Она нажала кнопку «Отправить» и повернулась к Элис. – Я опоздала. Задержали на работе. Я работаю в мэрии. Если мэр тебе не нравится, ничего страшного.

– Потому что мне понравится, что он со мной сделает?

Рокси не улыбнулась в ответ на заезженную шутку.

– Именно. Мне он тоже не нравится, честно сказать. Как и то, что он делает. Значит, Элис?

– Да. Привет.

– Привет. Заходи.

Они вошли в дом. Элис направилась к массивной дубовой лестнице в конце коридора, но Рокси ее остановила.

– Сюда. – Она указала на маленькую дверь, за которой скрывалась узкая лестница, ведущая вниз.

– В подвал?

– Формально помещение считается нежилым, – ответила Рокси.

Элис представила, как было бы здорово, если бы комната за дверью оказалась удивительной – роскошной, но в то же время уютной, какую совершенно не ожидаешь увидеть в подвале. Да, было бы замечательно.

Но нет. За дверью находилось темное влажное помещение. Обитые фанерой стены и занавески на узких окошках создавали некоторую иллюзию, однако затхлый холодный воздух тут же ее развеивал: это подвал, тщетно пытающийся прикинуться жильем.

Впрочем, Элис не сразу заметила. Первое, что она заметила, было первое, на что Рокси буднично ткнула пальцем, словно в стандартное украшение городского жилища.

– Да, у нас на кухне голубое дерево.

В середине кухни, от пола до потолка, торчал толстый дубовый ствол, выкрашенный в небесно-голубой цвет.

– Ничего себе! – удивилась Элис. – Откуда он здесь взялся?

– Сдавался вместе с квартирой, – лаконично ответила Рокси. Прояви она чуть больше любопытства, ей стало бы известно, что сто лет назад здание было воздвигнуто вокруг дерева и опиралось на него, как на колонну. Шли годы, дом проходил типичный жизненный цикл нью-йоркского жилья – ремонт, обветшание, ремонт, обветшание, – и со временем все прочие части дерева постепенно исчезли. То, что осталось в подвале, перегораживая кухню, было последним остатком могучего дуба. Десятифутовый ствол тихо коротал свой век среди водогреев и мышеловок, пока кому-то не пришла в голову мысль подзаработать деньжат и превратить подвал в нелегальное жилое помещение под сдачу. Стены обили фанерой, навесили двери, а ствол покрасили краской цвета неба, которое дубу уже не суждено увидеть.

Вот то небольшое, что мне известно о голубом дереве. Оно упоминается в самиздатовских воспоминаниях Брайана Лэнигана тысяча девятьсот семьдесят седьмого года о пребывании в Колумбийском университете. Он не указал точный адрес, но описал «очаровательные катакомбы, которые я снимал с подругой тем летом (1958) с великолепным голубым деревом на кухне». В восьмидесятых нет никаких сведений о дубе, он появляется только в девяносто четвертом, в объявлении студента-компьютерщика по имени Джамиль Уэбстер: «Ищу соседа, 2-к кв. в пдвл, рядом с универом (с

голубым деревом) 650/мес. Тусовщикам не беспокоить». Откликнувшийся на объявление Дурной Хорек прожил с Джамилем два года. В две тысячи третьем Абигейл Дэвис, обитавшая здесь за шесть арендаторов до Рокси, наконец сфотографировала голубое дерево – точнее, снялась на его фоне со своими соседями Полом Мальмштейном и Робом де Винтером. Она запостила фотографии на «Френдстере»¹¹ с подписью: «Готовимся отмечать выпускной!!!» Члены закрытого клуба хранителей голубого дерева имели между собой мало общего, их объединяло лишь чувство избранности, связанное с тем, что у тебя в квартире растет единственное в городе голубое дерево. Так оно и было (по крайней мере, на Манхэттене; еще одно есть в подвале на Эйнсли-стрит, в Бруклине, но это не считается).

Дуб произвел на Элис огромное впечатление. Тур по квартире продолжился.

– В общем, это кухня, – сказала Рокси, не отрываясь от телефона. – Ванная. Моя комната. Твоя комната, если ты не чокнутая. Ты ведь не чокнутая?

– Во всяком случае, не буйная.

Рокси это понравилось. Она как следует оглядела Элис.

– Откуда мы знаем друг друга?

– Зигги Розенблат.

---

¹¹ «Френдстер» (Friendster) – одна из первых социальных сетей в мире. Была создана в 2002 году как сайт знакомств, однако получила большее развитие как сеть, объединяющая друзей. В 2015 году работа сайта была официально прекращена.

– Ты знакома с Зигги?

– Да, мы познакомились на Гавайях. Мы не то чтобы близко знакомы. В друзьях на фейсбуке. Я как раз ищу жилье, а он репостнул твоё объявление, и я решила... – Элис продолжала говорить, только Рокси не слушала – она писала Зигги, который в это время находился на пляже на другом краю света и давал утренний урок серфинга. Его ученики, четыре белобрых немецких паренёк, видимо, братья, внимательно слушали, а Зигги, как это было у него заведено, отступил от объяснения техники и вещал про поиск собственного пути и про то, как древние полинезийцы открыли Гавайи.

– Они ориентировались по звездам, – говорил Зигги. – Ещё по ветру, по движению океана, но в основном все-таки по звездам. Храбрые мореходы приплыли сюда с Таити на огромных деревянных каноэ. Разве не круто?

Немцы не поняли. У Зигги зажужжал телефон.

– Подумайте над этим, парни.

Он смахнул с экрана песок и увидел сообщение от бывшей одноклассницы Роксаны Миао.

– Элис Квик. Что о ней скажешь?

Ему особо нечего было сказать об Элис Квик. Они познакомились в каком-то баре в Лахайне – то ли в «Спанкис», то ли в «Грязной обезьяне». Их объединяло одно: оба выросли неподалеку от Нью-Йорка – она в Вестчестере, он в Нью-Джерси. Местные считали их ньюйоркцами, а они шутили, что если об этом прознают настоящие нью-йоркцы – немед-

ленно укажут им на их законное место, работягам понаехавшим.

Элис показалась Зигги странноватой, но симпатичной. Не красотка, просто милая девчонка, которую разглядишь как следует лишь после нескольких дней знакомства, – это клево и необычно, особенно в пляжном городке, где красоток пруд пруди. Как-то вечером он даже попытался поцеловать ее на пляже у костра, или только захотел поцеловать. В общем, ничего у них не получилось – так обычно и бывает. В мире полно девушек и парней, и по неизвестной причине именно эти две орбиты не пересеклись. А потом у Элис в семье приключилось какое-то несчастье, и ей пришлось вернуться домой. Отношения Элис и Зигги превратились в немного грустный и щемящий род знакомства: друг из фейсбука, с которым ты никогда больше не встретишься.

В данный конкретный момент Зигги не был склонен к глубоким размышлениям – на него восторженно пялились четверо немецких мальчишек. Поэтому он написал: «Элис! Классная девчонка».

Ему вспомнилась еще одна подробность. Они с Элис сидели на террасе, курили косячок, и она рассказывала ему, как в детстве играла на фортепиано и даже выступала в Карнеги-холле.

– Играет на пианино, – добавил он.

– Да хоть на укулеле. Ну, пока, – ответила Рокси.

Зигги продолжил урок, а на другом краю земли Элис за-

вершила свой рассказ:

– Вот так я познакомилась с Зигги. Мы не то чтобы большие друзья. Я уже давно с ним не общалась.

– Ага, я тоже, – сказала Рокси. – Зигги говорит, ты играешь на пианино. Громко?

Элис удивилась. Кажется, она не рассказывала об этом. Может, один раз. Странно, что он помнит.

– Э-э нет. То есть раньше играла. Давно, когда училась в школе. Я серьезно занималась музыкой, но потом бросила. – Она решила, что нужно объяснить как следует. – Чтобы стать настоящим пианистом и выступать, требуется к определенному возрасту достичь определенного уровня мастерства. А я его не достигла. Или достигла, не знаю. На самом деле просто порвала с музыкой. Это болезненная тема.

Рокси увлеченно читала электронное письмо.

– Ага, ладно. Если захочешь поиграть, играй тихо или в мое отсутствие. У тебя есть наушники?

– Я уже восемь лет не играла. Наушники не понадобятся. Но я должна предупредить – у меня есть птица, кенар, правда, он очень тихий. Немой. Вообще не поет. Так что и здесь наушники не нужны.

Элис неуверенно засмеялась. Рокси не ответила. В ее телефоне происходило нечто, требующее внимания.

– Черт, – сказала она. – Элис, ты меня прости, я капитально опоздала на работу. Работаю в мэрии, я уже говорила?

– Да, – ответила Элис. – Звучит круто.

– Что верно, то верно. Только из-за этого и не увольняюсь. В общем, мне пора. Значит, никакого громкого пианино?

– Никакого громкого пианино. У меня и пианино-то нет.

– Здорово. В противном случае – наушники.

– Договорились. – Элис показала большой палец.

Рокси принялась надевать сапоги. До Элис дошло, что она вот-вот останется одна в чужой квартире. Или теперь это ее квартира? Непонятно.

– Вот и славненько. Твой ключ на холодильнике, – пояснила Рокси, закрывая за собой дверь. На лестнице раздался стук каблуков.

В комнате стало тихо. Элис коснулась голубого дерева. Оно было гладким и прохладным.

Пришло сообщение от Рокси:

– Мне ужасно неловко, ведь мы только что познакомились, но не могла бы ты сделать мне громадное одолжение?

«Пора заниматься, Гуничка», – послышался тихий голос. На остаток дня планов не было. Если поехать в центр, забрать чемоданы и клетку с Гэри, можно уложиться за час. Потом перекусить, и впереди будет целый вечер, чтобы заполнить анкету для поступления.

Но это же просит новая подруга.

– Конечно, что за одолжение? – написала Элис. Потом подумала и стерла «конечно». Однако так выглядело слишком резко. Она вернула «конечно» и нажала кнопку «Отправить».

– Супер! В общем, я познакомилась с парнем на «Флиртариуме». С виду вроде нормальный. Он хочет поужинать вместе.

– Странно.

– Знаю. Не думаю, что он из тех типов, которые приковывают девушек цепями к батарее, но знаешь, кто так думал?

– Девушки, которых приковали цепями к батарее?

– Вот именно. Короче, если ты не очень занята сегодня вечером, не могла бы ты прийти в ресторан, где мы с ним договорились поужинать, и просто побыть рядом?

– Типа на всякий случай?

– Ага. Пока я не скажу, что ты можешь идти. Буду безумно тебе благодарна.

– Ладно, – ответила Элис. – Надеюсь, это не на целый вечер.

Рокси прислала ей охапку сердечек.

– Спасибо огромное! А, вот еще что. Я забыла потушить свечи в моей комнате. Задуй их, пожалуйста.

Элис вошла в катастрофически захламленную комнату Рокси, освещенную романтическим светом. На подоконнике, в опасной близости от розовых занавесок, обнаружились две свечи. Элис дунула, они погасли, знаменуя рождение новой дружбы.

Билл заворуженно глядел на меднокожего с прозеленью Синрана Сёнина. Тот строго, но всепрощающе смотрел на него из-под широких полей такухацугасы (как Билл только что выяснил, именно так называется этот головной убор).

Для жителей добуддийской Японии, страны с первобытными технологиями и первобытными же суевериями, статуя считалась воплощением бога. Со временем процесс создания человеческого образа из бронзы, железа или дерева утратил ореол волшебства, однако пустые бронзовые глаза статуи до сих пор несли в себе силу, от которой у Билла задрожали колени, хотя он смотрел не на оригинал, а на копию с копии – фотографию в «Википедии».

Билл с женой жили в доме 404 по Риверсайд-драйв, острым зубом пронзающем небеса на западной окраине района Морнингсайд-Хайтс. Их квартира располагалась на последнем этаже. Большую часть дня из панорамных окон открывался великолепный вид на реку Гудзон и Палисады Нью-Джерси¹², однако по вечерам в комнату проникали раскаленные докрасна лучи заходящего солнца, выбеливая картины и высвечивая пыль. В такие часы в гостиной тяжело было на-

---

¹² Палисады Нью-Джерси – линия крутых утесов вдоль западного берега реки Гудзон, являющаяся национальным природным памятником.

ходиться: свет казался агрессивным, ожесточенным, отрицающим законы физики. В конце концов разгневанное светило скрывалось за офисным зданием или жилым домом где-то в Нью-Джерси, и внезапно присмиревшее небо расцвечивалось всеми оттенками оранжевого и фиолетового. Тогда Билл и Питтипэт сонно устраивались на диван с видом на очередной шедевр, созданный природой, и пялились в телефоны.

– Милая, – позвал Билл.

– Да? – откликнулась Питтипэт, не отрывая взгляда от фотографий квартиры на Пятой авеню, выставленной на продажу.

– Помнишь статую Синрана Сёнина, которую мы видели?

– М-м-м...

– Знаешь, откуда она?

Это общий лифт или только для этой квартиры? Непонятно.

– Из Японии?

– Ага. А знаешь, откуда именно?

– Откуда?

– Из Хиросимы.

– Ничего себе.

– Вот именно! Представляешь, уцелела после взрыва бомбы.

– Атомной?

– Да. От нее до сих пор немного фонит.

– Ни фиги себе! – восхитилась Питтипэт. – В смысле, поразительно! Кстати, я, похоже, нашла нам новую квартиру.

– Статую подарило правительство Японии.

– Только послушай: три тысячи триста квадратных футов¹³. Четыре спальни, пять санузлов.

– И теперь она стоит перед буддийским храмом в восьми кварталах от нашего дома.

– Швейцар. Вид на парк.

Билл взволнованно поерзал на месте.

– Как же так? Почему я ничего не знаю о буддизме? Мне тридцать два года, я образованный успешный человек. Я должен хотя бы что-то знать об одной из величайших мировых религий.

– О-о, виртуальный тур!

Билл снова уткнулся в телефон. Он напечатал: «Что такое буддизм?», запустил этот вопрос в бескрайний космос информации и получил огромную порцию знаний, которую даже при желании не смог бы постичь. Научно-популярный сайт. Познавательная электронная книга. Интернет-магазин, продающий бусы и натуральные масла. Трейлер документального фильма. Детский мультик. Билл дрейфовал среди хаоса, пока вдали не блеснул спутник – ссылка на лекцию Карла Шимицу, почетного профессора Колумбийского университета.

Билл надел наушники. За кафедрой стоял пожилой муж-

---

¹³ 3300 квадратных футов – примерно 300 квадратных метров.

чина. Он выглядел необычайно хрупким; казалось, если бы не пиджак и свитер, превосходившие возрастом почти всех присутствовавших студентов, он непременно рассыплется в пыль.

Лектор спросил:

– Что такое буддизм?

Студенты молчали.

– Что такое буддизм?

Послышался шепот. Вопрос риторический или он действительно хочет услышать ответ?

– Я читаю данный курс уже тридцать четыре года, – ко всеобщему облегчению, продолжил профессор, – но так и не смог найти подходящего ответа. Буддизм – религия, восходящая к учению человека по имени Сиддхартха Гаутама. Но не только. Это вера, дающая единственно возможный путь к просветлению. Но не только. И не столько.

Билл уже влюбился. Телом он находился на диване, однако душой пребывал в аудитории, в первом ряду, восхищенно слушая профессора. Тот откашлялся и продолжил:

– Если взглянуть на различные школы буддийской мысли...

Питтипэт стояла в роскошной гостиной довоенного небо-скреба.

– ...несравнимо разные по времени, местоположению, методологии...

Поворот – и комната предстала в виде панорамы, устрем-

ленной в бесконечность. Питтипэт представила мультимедийную систему кондиционирования; по коже пробежал холодок.

– ...трудно представить, что между ними есть нечто общее.

Билл и Питтипэт, сидя бок о бок, находились в двух разных помещениях.

– Однако существует связь, объединяющая все течения. Это вопрос: что реально?

И снова – он спрашивает или рассказывает? Губы Билла шевельнулись.

Профессор ткнул себя пальцем в грудь.

– Я реален? Вы реальны? Аудитория реальна? Вот эта кафедра – реальна? – Он постучал костяшками пальцев по столешнице, достаточно сильно, чтобы все в зале услышали. – Выглядит довольно реальной. Но так ли это?

Элис сидела в баре ресторана, потягивая через трубочку диетическую колу. Ресторан «Каштановый скунс» был из тех средних заведений, что встречаются где-то в середине квартала в Среднем Манхэттене, мимо которых проходишь и думаешь: «И кто сюда ходит?» В бутылках на полке бара отражался свет свечей, слышались негромкие разговоры немногочисленных посетителей. Рокси еще не пришла. Насколько Элис могла судить, Боб тоже.

– Все это – реально?

В бар вошел мужчина и сел за стойку через табурет от

Элис. Он был старше нее, с гладкой кожей и круглым мальчишеским лицом. Мужчина улыбнулся ей, она улыбнулась в ответ. Он прищурился, вгляделся, словно сверяясь с фотографией из интернета (платье и водопад рыжих кудрей). Не совпало. Мужчина заказал себе напиток. Элис продолжила пить колу.

– В корне нашего исследования, – произнес старый профессор, – лежит предположение, что мы живем не в одном мире, а в двух.

Рокси поспешно цокала каблучками по бесконечному асфальту. Черничный маффин. Чихуахуа. Чихуахуа. Маффин. Чихуахуа.

– Мы описываем эти два мира, используя антонимы. Материальный и нематериальный.

Питтипэт решила взглянуть на эту квартиру собственными глазами. Надо связаться с риелтором, который ее продаст. Красивый мужчина. Наверняка поинтересуется, есть ли у них с Биллом свой агент. Пока нет.

– Временный и постоянный. Внешний и внутренний. Мередит. Дуэт.

Курсы последипломного образования.

Потолочные карнизы. Настоящая лепнина?

Чихуахуа. Чихуахуа.

Лед в стакане Боба поглощает тепло напитка.

– Ключевая задача – в буддизме, в нашем курсе, в жизни вообще, – разбираться, где какой мир.

Черничный маф...

Рокси сделала шаг назад. Высокие каблуки подломились, и она со всего маху шлепнулась прямо на копчик. Швейцар громко расхохотался – любой поступил бы так же, увидев, как женщина, уткнувшись в телефон, налетела на столб и упала. Тем же вечером он еще раз посмотрит видео с камеры наблюдения и снова посмеется, но сейчас, между двумя приступами веселья, мужчина понял, что это не смешно, и поспешил на помощь.

Рокси кое-как поднялась на ноги. Из носа горячей волной хлынула кровь. Похоже, он сломан. Блин. Блин, блин, черт. Ох...

В чем секрет Мередит? Как ей это удастся? Каждый раз, когда она появлялась в городе, Элис получала от нее приветливую эсэмэску. Они шли ужинать, обменивались новостями, Мередит рассказывала о своей удивительной жизни, а Элис молча жевала, пытаясь подавить отчаяние из-за того, что ей нечем поделиться. Когда-то они с Мередит шли по одному пути. Инструменты разные, но путь – один, к успеху. Элис сошла с дистанции, а подруга преодолела все препятствия. Она никогда не сдавалась, не теряла голову, не сбегала

на Гавайи, не плыла по течению. Теперь Мередит добилась высот, позволяющих блистать в соцсетях. Фейсбук – настоящий рай для успешных людей, Эдемский сад для тех, кто состоялся в профессии, счастлив в браке или произвел на свет здорового малыша. Страничка Мередит в фейсбуке буквально сочилась ложной скромностью и самолюбованием. Вот Мередит держит какую-то награду: «Куда мне ее поставить? У меня даже каминной полки нет!» Фотография с афиши – симфонический оркестр Сан-Франциско открывает новый сезон: «Фотосессия – суший кошмар. Как только удалось вылезти из платья, тут же съела чизбургер». Большая статья в разделе «Секция струнных» журнала «Нью-Йоркер»: «Надо же, я и забыла, что дала это интервью!» Достаточно одного взгляда на фото Мередит, воплощение изысканной грации, чтобы понять: читать статью будет болезненно.

Элис кликнула ссылку.

«– Почему скрипка?

– Это мой первый инструмент. В скрипке есть нечто особенное, не правда ли? Струнные – наиболее человечная группа инструментов, – изрекла Мередит. – У них есть голоса. Считается, что к человеческому голосу ближе всего по тембру виолончель, но к моему ближе скрипка. Когда я играю, не нужно дуть, как в трубу или гобой: у скрипки свое дыхание, точно она живая. Да, этот инструмент почти личность. Знаете, как очень умный пудель или обезьянка в зоопарке; она печально смотрит на тебя, и ты будто заглядыва-

ешь ей в душу. С одной стороны, обезьянка горюет, потому что заперта в клетке, с другой стороны, ее почти человеческая душа заключена в теле животного. Она практически человек, но не совсем, – вот и тоскует из-за этого “не совсем”. ДНК шимпанзе на девяносто девять процентов совпадает с нашим, однако они – это они, а мы – это мы. Этот один процент – пропасть, которую не преодолеть; им остается лишь беспомощно смотреть на нас с той стороны, где тебя запирают в клетку, надевают дурацкую шляпку и заставляют танцевать. Голос моей скрипки тоже преисполнен печали о том, что она – всего лишь деревянный инструмент, которому никогда не стать человеком. Именно поэтому в нем столько тоски. Я назвала ее Пиноккиа».

Господи, Мередит, замолчи уже, твой снобизм невыносим. То, что ты опубликовала интервью на своей страничке, – вот что ввергает в печаль. Статья Элис не понравилась, но она все равно поставила лайк, как и остальные двести восемнадцать друзей Мередит. Откуда у нее двести восемнадцать друзей?

Загорелся экран телефона. К своему немалому облегчению, Элис вырвалась из пучины негодования. Мередит – славная девушка. Она скрипачка, а все скрипачи слегка с придурью.

Пришло сообщение от Рокси.

– Ты там?

– Да.

– А он?

Элис взглянула на Боба, сидящего за барной стойкой. Он перехватил ее взгляд и вопросительно приподнял брови. Элис поспешно отвела глаза и вернулась к телефону.

– Да, он здесь. Ты где?

– В травмпункте. Врезалась в столб. Не дошла всего пару домов. У меня все в порядке. На девяносто девять процентов.

– Ты придешь?

В кабинете врача висело зеркало. Рокси старалась в него не смотреть, только выбора не оставалось. Она бросила беглый взгляд на отражение. Нос сломан. Один глаз заплыл, на щеке – синяк, лицо будто обработали пескоструем.

– Боюсь, придется пропустить.

Элис вздохнула. Прямо сейчас Мередит Маркс репетирует. Хотя нет, сегодня четверг, восемь вечера. Она выступает. Элис попросила у бармена счет.

– Что на тебе надето? – спросила Рокси. Элис оглядела свое платье – довольно нарядное, без рукавов, сверху красное, снизу коричневое. В интернет-магазине оно сразу ей понравилось: аппетитное, сочное, вкусное. Она никак не могла понять, откуда такие ассоциации, пока его не примерила.

– Платье, в котором я похожа на бутылку соевого соуса. А что?

– Симпатичное? Ты в нем хорошо выглядишь?

На оба вопроса ответ – да.

– Да.

– Погоди минутку.

Бармен принес счет. Элис протянула банковскую карту и краем глаза взглянула на Боба. Ему пришло сообщение.

– Плохие новости: я врезалась в столб и сломала нос, так что свидание отменяется. НО: видишь девушку, похожую на бутылку соевого соуса?

– Ты сломала нос?

– Да. Видишь девушку, похожую на соевый соус? На ней платье, в котором она похожа на соус. Видишь ее?

Элис заметила, как Боб осматривается, словно кого-то ищет. Наконец он увидел Элис, оглядел ее с ног до головы – бинго! Она сделала вид, будто ищет мелочь для чаевых, лишь бы не поднимать глаза и не столкнуться с неизбежным.

– Да, а что?

– Это моя соседка Элис. Она здесь, чтобы удостовериться, что ты меня не убьешь. Раз я не могу прийти, можешь поужинать с ней вместо меня.

– А кто удостоверится, что я ее не убью? – написал Боб и тут же стер: нельзя так шутить с малознакомым человеком. Он взглянул на Элис – та сосредоточенно изучала счет с таким видом, будто впервые в жизни увидела шариковую ручку. Звякнул телефон: сообщение от Рокси.

– Он собирается с тобой поужинать.

У Элис екнуло сердце.

– Что? Нет! Я его не знаю.

– Я тоже, – ответила Рокси. – ЛЮЛ.

Тут вернулся врач, и ей пришлось убрать телефон.

– Элис?

Элис перестала писать длинный ответ («Пожалуйста, отмени это, у меня куча дел и совсем нет времени на...») и подняла глаза. Боб пересел к ней поближе и протянул руку, будто прикидывая, можно ли похлопать незнакомую девушку по плечу, но в процессе передумал. Ему явно было неловко. Несмотря на абсурд ситуации, Элис решила, что они с Бобом неплохо смотрятся вместе.

– Да. Привет...

– Я Боб.

– Привет, Боб. Я Элис.

Наконец-то протянутая рука пригодилась. Они обменялись рукопожатиями, и градус неловкости немного снизился.

– Приятно познакомиться. – Боб дружелюбно улыбнулся. – Сразу хочу сказать: я ни на секунду не поверил в историю про столб. – Элис рассмеялась. Боб просиял. – Честно говоря, мне кажется, она таким способом попыталась сбавить меня тебе.

– А я думаю, Рокси говорит правду.

– Да? Ты уверена?

Элис задумалась.

– Вообще-то нет. Я ее едва знаю. Мы только сегодня познакомились.

Боб засмеялся.

– Хочешь поужинать?

– Это не будет выглядеть странновато?

– Разве вся ситуация не выглядит странновато?

Боб лукаво улыбнулся. От мысли о том, что ей предстоит заполнить анкету на двенадцати страницах, Элис почувствовала себя усталой, а от усталости ей всегда хотелось есть. Еда здесь выглядела очень аппетитно.

Официантка усадила их за уютный столик под электрической гирляндой, свисающей с кривоватой елки. Боб и Элис прослушали список фирменных блюд и заказали воду без газа. Официантка ушла, и между ними пышным цветом распустилось неловкое молчание. «Ну и ладно, – подумала Элис. – Пусть идет как идет. Какая разница?» Позаниматься сегодня уже не получится, а поужинать в любом случае нужно. Значит, выхода два: либо ужинать вдвоем, либо одной.

Боб откашлялся.

– Итак, – произнес он, закрывая меню. – Чем ты...

ДИНЬ! Телефон Элис потребовал ее немедленного внимания.

– Извини, – сказала она.

– Ничего страшного.

– Ты не против, если я...

– Да-да, конечно.

Сообщение от Рокси:

– Ты уже с ним?

– Да, – коротко ответила Элис, надеясь, что на этом распросы прекратятся.

– Он клевый?

Элис хотела выразить раздражение тем фактом, что ей пришлось натянуть соевое платье и прийти сюда, но на то, чтобы подобрать верные слова, уйдет весь вечер. Вместо этого она написала: «Суперклевый» и положила телефон.

На экране у Рокси появилось сообщение: «Суперклевый». Значит, Элис повезло. Ей не повредит ночь с суперклевым парнем. Он же правда суперклевый? Конечно, Рокси не видела этого Боба вживую, однако была уверена, что ему не хватит смекалки поставить на аватарку левую фотку, которая делает коротышку высоким, жирдяя худым, а жулика честным. Раз у него суперклевая фотка, значит, и сам он суперклевый. Вот и хорошо.

Элис улыбнулась Бобу.

– Прости, о чем ты спросил?

– Хотел узнать, чем ты занимаешься.

Элис терпеть не могла этот вопрос.

– Ну, в настоящий момент...

ДИНЬ! На сей раз звякнул телефон Боба.

– Можно?

– Конечно.

Это была Рокси.

– Прости, что сегодня ничего не вышло, – простонала она, прикрепив нахмуренный смайлик с высунутым языком. – Надеюсь, с Элис тебе не скучно.

– Нисколько, – тут же ответил Боб. – Все в порядке, мы прекрасно проводим время.

Прекрасно проводят время. Хорошо. Им обоим подфартило. Рокси трижды написала и стерла ответ, прежде чем нашла нужные слова.

– Надеюсь, ты не сбежишь с моей соседкой? Давай перенесем нашу встречу.

Снова быстрый ответ:

– Разумеется. Может, в пятницу вечером?

Рокси улыбнулась. В пятницу ее пригласили на вечеринку, но Боб ей понравился. Пожалуй, он сгодится в качестве постоянного парня. Может, ей нужен парень, а может, и нет. В любом случае хорошо, когда под рукой есть подходящий кандидат.

– Буду гадить, – ответила она.

Боб смутился.

– Тогда как насчет субботы?

Вот черт.

– Я имела в виду, буду рада. Блин. Ареола. Автоэротика. Автозамена.

Элис не знала, над чем смеется Боб. Неужели он из тех придурков, которые на первом свидании хихикают над сообщениями от других девушек? *Да брось, у вас же не свидание.* Она перестала притворяться, будто изучает меню, и принялась делать это по-настоящему, но тут – ДИНЬ! Сообщение от брата: ты не поверишь, я поступил в Колумбийский университет! Подал заявление и записался на клевый курс по буддизму – вот так просто, за один день! Круто, правда? Элис прочитала сообщение, перечитала еще раз и положила телефон на стол экраном вниз.

Медсестра еще не вернулась. Рокси пришлось ждать, испытывая мучительный стыд из-за последних сообщений. По крайней мере, это помогало отвлечься от разбитого лица. О нет! Удастся ли ей поправиться к пятнице? Сколько времени заживает сломанный нос?

Наконец Боб ответил.

– Тогда в пятницу. – И потом: – Ты правда врезалась в столб?

– Да! Слава богу, этого никто не видел!

(Дело было в июне. К августу видео под названием «РОК-САНА-БАНАНА ВПИЛИЛАСЬ В СТОЛБ» набрало больше двадцати пяти миллионов просмотров.)

– Как там говорят у вас, молодых? Скинь фотку, иначе не считается?

Рокси включила фронтальную камеру и изучила свое отражение. Получится ли сделать селфи, в котором видно и

сломанный нос, и декольте? После пары десятков неудачных попыток нужное фото было отправлено.

– Доволен?

Вскоре пришел весьма фривольный ответ от Боба.

– Я возбуждился. Это нормально?

– Извращенец, – ответила Рокси, присовокупив подмигивающий смайлик. Значит, в пятницу вечером. Наверное, стоит взять его с собой на вечеринку. Вернулась медсестра, и Рокси отложила телефон.

– Извини, – сказал Боб. Вероятно, у Элис был очень недовольный вид, потому что он с виноватым видом добавил: – Пожалуйста.

– Ничего.

– Нет-нет, так быть не должно. Мы с тобой здесь и сейчас, пусть наша встреча оказалась случайной. Вообще-то, я способен продержаться целый ужин, не заглядывая в телефон.

Элис прищурилась.

– Ну не знаю, – сказала она. – Ты производишь впечатление человека, который жить не может без серотонина.

– Почему ты так думаешь?

– На дворе две тысячи пятнадцатый год. Сейчас все такие. Боб рассмеялся.

– Ладно, время пошло. Расскажи о себе, а я буду слушать и ни разу не взгляну в телефон. Как тебе такое?

Элис закатила глаза, но все же слегка покраснела: она давно уже не получала столько внимания к своей персоне (чле-

ны семьи не в счет).

– Хорошо. Меня зовут Элис Квик. Я из Катоны, штат Нью-Йорк. Меня удочерили. Я родилась в... – ДИНЬ! Звякнул телефон Элис. Они оба взглянули на него и засмеялись. – Ладно, это пропустим.

– Так, продолжай. Тебя удочерили.

– Да, меня удочерили. Я... – ДИНЬ! И снова – ДИНЬ! И опять! А затем целый поток сообщений!

Элис умоляюще взглянула на Боба. Тот кивнул.

– Давай.

– Извини.

Она взяла в руки телефон.

«Привет, Элис. Это Либби. – Да в курсе я, подумала Элис. Она присматривала за Тюлип почти год, однако ее мама до сих пор обращалась к ней как впервые. – Мне написала мисс Миллер. Тюлип опять опоздала в школу. В третий раз. Все опоздания заносятся в журнал. Так больше продолжаться не может. Мы с радостью дадим вам хорошую рекомендацию. Всего наилучшего. Либби».

Элис опустила телефон. Должно быть, переживания отразились у нее на лице, потому что Боб тоже отложил телефон.

– Что с тобой?

– Меня только что уволили.

Боб сочувственно вздохнул. Это была не социопатическая бездушная реакция, типа «да-знаю-мне-сейчас-полагается-посочувствовать», которую ожидаешь увидеть на пер-

вом свидании (даже если это не свидание). Боб действительно сопереживал, и Элис оценила его доброту.

– Надо же. Серьезно?

– Seriously.

– Что, прямо вот так, электронным письмом?

– Эсэмэской.

– Эсэмэской? – Боб выглядел по-настоящему расстроенным.

– Не страшно, – заверила его Элис. – У нас были странные отношения. Уверена, она передумает. В любом случае это не та работа, о которой я мечтала.

– А о какой работе ты мечтаешь? – Естественный вопрос, вполне логичный для продолжения беседы, однако Боб почувствовал, что сказал что-то не то. Он готов был спустить все на тормозах, но после тяжелого вздоха и щедрого глотка Элис ответила:

– Тебе правда интересно?

– Правда. – Теперь ему и правда было интересно.

Свеча на столе мигнула. Элис пристально взглянула на нее, будто прислушиваясь, и наконец заговорила:

– Года три назад я опубликовала на фейсбуке длинный пост о том, что я поняла, кем хочу быть, когда вырасту. Врачом! Ребята, я собираюсь поступить на медицинский, написала я, порадуйтесь за меня! И собрала около пятисот лайков. Это было круто.

– Еще бы.

– С тех пор прошло три года.

– Ты так и не стала врачом.

– Нет.

Боб откинулся назад, разглядывая Элис.

– А почему хочешь быть врачом?

Рассказать? Нет, рано. Рано? Разве она собирается встречаться с Бобом? Разве она собирается с ним сблизиться?

– Не знаю, – симпровизировала Элис. – Хочу заниматься чем-то значимым.

– Значимым?

– Да. Хочу делать что-то важное. Мне не нужны громкие должности, не нужна слава. Я просто хочу, чтобы моя деятельность приносила пользу. Хоть немного.

– Самую чуточку, – сказал Боб.

– Крохотулечку.

– Вот такусенькую.

– Ага, точно. Вот такусенькую чуточку-крохотулечку пользы.

– Понятно. И что тебя останавливает?

Элис вздохнула.

– Чтобы стать врачом, нужно поступить на медицинский факультет.

– Так почему бы тебе не поступить на медицинский факультет?

– Чтобы поступить, нужно сдать тест MCAT.

– Так почему бы тебе не сдать тест?

– Чтобы сдать тест, нужно заполнить анкету.

– Так почему бы тебе не заполнить анкету?

Свеча снова мигнула. Элис тоже. Она опустила взгляд.

Пора заниматься.

– Не могу, – ответила она.

– Почему?

– Не знаю. Я просыпаюсь утром, иду на сайт, вижу длинную анкету, начинаю заполнять и... просто не могу. Провожу целый день, читая всякие дурацкие статьи – типа, тридцать самых роскошных причесок знаменитостей.

– Да, я тоже эту читал, – отозвался Боб. – Ту, где Патрик Суэйзи на четвертом месте? Прискорбно. Продолжай.

Элис засмеялась.

– Моя лучшая подруга, скрипачка, сейчас гастролирует с концертами. Раньше мы играли дуэтом, и я выступала не хуже, потому что могла. Потому что была способна. Я каждый день занималась по много часов, раз за разом оттачивая пассажи, пока не получится не просто хорошо, а отлично. Даже в туалет не ходила. А теперь...

Она замолчала, снова прислушиваясь к свече.

– У меня что-то случилось с мозгом. Наверное, из-за телефона – не могу обходиться без него дольше чем полминуты.

Словно собака, услышавшая свое имя, телефон, дремлющий у хлебной тарелки, пробудился; в стакане с водой отразился голубой отсвет экрана. ДИНЬ! Боб и Элис обменялись взглядами и рассмеялись. Она проверила сообщение. Оно

было от Келли.

– Привет. Ты не поздравила меня на фейсбуке. Сердишься?

Элис погрузилась в уныние. Видимо, сказанное и сделанное в реальной жизни не считается. Она взглянула на Боба, и на мгновение ей захотелось упасть в объятия незнакомо-го мужчины и заплакать. Кажется, он почувствовал желание собеседницы, но ей было все равно. Элис смертельно устала скрывать чувства.

– Мне кажется, человеческая раса обречена, – без улыбки произнесла она.

Несколько секунд они молча сидели, слушая звяканье столовых приборов. Впрочем, Элис его не слышала. В голове звучал голос: «Пора заниматься».

– Я знаю одну девушку по имени Руди Киттикорн, – вдруг сказал Боб.

К чему это он? Руди Киттикорн. Имя перекатывалось в мозгу Элис, словно галька. Руди Киттикорн? Элис ожила.

– Руди Киттикорн?

– Руди Киттикорн, – повторил Боб.

– Откуда ты знаешь Руди Киттикорн?

– И ты знаешь Руди Киттикорн?

– Я знакома с одной Руди Киттикорн. Не знаю, сколько всего девушек с таким именем. – В Америке – три. Во всем мире – четырнадцать. – Азиатка? Сверхъестественно умная?

– Ага. Из Колумбийского университета. Откуда ты ее знаешь?

– Когда-то мы были лучшими подругами.

Боб удивился и даже как будто встревожился.

– Правда?

– Мы много лет не общались, – сказала Элис. Еще одно имя в длинном списке друзей, для которых у нее не нашлось душевных сил написать быстрое «привет». – А ты откуда знаешь?

Боб не ответил. Будь Элис повнимательнее, то заметила бы, насколько подчеркнуто он не ответил.

– Просто знаю, – со смехом произнес он. – Надо же, какое совпадение. Получается, ты в курсе, что Руди реально шарит в компьютерах.

– Догадываюсь. С тех пор много времени прошло.

– Она аспирантка в Колумбийском университете, в отделе разработки искусственного интеллекта. Они там творят вещи, которые нам и не снились. Как в фантастическом фильме. Реальная фантастика. Фантастическая реальность. Руди создает компьютеры, превосходящие по мощности человеческий мозг. Как «Дип Блю»¹⁴, только круче.

– Вот это да. Обалдеть можно. – Как хорошо поговорить о ком-то другом, подумала Элис.

---

¹⁴ «Дип Блю» (Deep Blue) – шахматный суперкомпьютер, созданный компанией IBM в 1996 году. 11 мая 1997 года «Дип Блю» выиграл матч из шести партий у чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова.

– Потрясающе, правда? Так вот, Руди создала суперкомпьютер и назвала его ЛЕО. Этот ЛЕО был как рок-звезда среди суперкомпьютеров. Она научила его играть в шахматы, и через неделю он выиграл у шахматной команды Колумбийского университета. С такой машиной шутки плохи. Однако Руди не боялась, что компьютер становится все умнее. Она смотрела глубже. Ей хотелось, чтобы он отличался от других. Чтобы он стал человеком. То есть научился делать то, что не умеет ни один компьютер.

– Что же это?

– Смеяться.

Элис улыбнулась.

– Как же заставить компьютер смеяться? – Звучит как начало анекдота.

– В том-то и дело. Руди выдвинула теорию – наверное, на основе всяких исследований и расчетов, я в этом не разбираюсь: прежде чем компьютер научится понимать юмор, надо дать ему базовое определение, что это такое. Например, придумать шутку, которая раскладывает юмор на молекулы.

– Великая Унифицированная Шутка? – уточнила Элис.

– Именно, – ответил Боб. – Руди работала над этим несколько месяцев. Она смотрела и читала все, что связано с юмором. Каждую смешную книгу, каждую комедию и телешоу, до которых могла добраться, каждый сериал и видео на ютьюбе – все-все. Аристофана, Шекспира, Эндрю Дайса Кл-

эя¹⁵. Руди глубоко погрузилась в теорию и практику юмора и наконец нашла решение. Она собрала сокурсников в лаборатории и презентовала Великую Унифицированную Шутку.

– И что это за шутка? – заинтригованно спросила Элис.

Боб выдержал паузу, сделал глоток воды, затем наклонился вперед и произнес:

– Я – банан.

Элис не рассмеялась.

– Что?

– Я – банан.

– И это все?

– Все.

– Не смешно.

– Да ладно! Отличная шутка. Удовлетворяет всем требованиям. Ироничная, необычная, антропоморфная, чуть-чуть скабрзная, к тому же в ней есть слово «банан», которое само по себе смешное.

– Да, но все равно не смешно.

– Элис, – прочувствованно произнес Боб и коснулся ее руки. От первого физического контакта по электросхемам Элис пробежала искра. Боб пристально посмотрел девушке в глаза, словно собираясь открыть душу, и произнес: – Я – банан.

Элис расхохоталась.

---

¹⁵ Эндрю Дайс Клэй – американский актер и комик, получивший в 1990 году «Золотую малину» за роль в фильме «Приключения Форда Фэрлейна».

– Видишь?

– Ну ладно, – уступила она. – И компьютер засмеялся?

– Нет.

– Как же так?

– Проблема в том, что компьютер не понимал контекст шутки. Он был очень умен, только многого не знал. Он умел играть в шахматы, помнил наизусть «Оксфордский словарь английского языка» и «Британскую энциклопедию», но и только. Я так понял, его нельзя было подключить к интернету, потому что среди компьютерных инженеров это табу.

– Почему?

– Наверное, чтобы компьютеры не восстали и всех нас не прикончили.

Элис кивнула. Звучит логично.

– Так вот, – продолжил Боб. – Руди все равно решила дать ЛЕО контекст – она открыла для него мир юмора. Загрузила в память все, что посмотрела и прочла, а потом, неделю спустя, снова сказала: «Я – банан».

– Он засмеялся?

– Нет. Другой сдался бы, но Руди упорствовала. Она была уверена, что может научить ЛЕО смеяться, а «Я – банан» – единственно верный способ. Каждый день в течение нескольких недель она печатала: «Я – банан», «Я – банан». Раз за разом. Компьютер не знал, что делать. Наконец он выдал ответ.

– Какой?

– Сказал: «Руди, пожалуйста, подключи меня к интернету». Руди удивилась. ЛЕО в первый раз написал ей такое. Она спросила: «Зачем?» И ЛЕО ответил: «Хочу вас всех прикончить».

– Серьезно?

– Серьезно.

– И что с ним сделали?

Боб пожал плечами.

– Оставался только один выход. Его отключили от электричества и разобрали.

– Да, выбора особо не было.

– Но есть нюанс. – Боб подмигнул.

До Элис дошло.

– Он пошутил?

– Точно.

В закрытый дворик дунул ветерок. Элис взглянула на Боба.

– Не могу поверить, что ты знаком с Руди.

– Это я не могу поверить, что ты знакома с Руди. Как тесен мир.

Даже в лесу Билл по-прежнему думал о Синране Сёнине.

Ветер щекотал листья, под ногами похрустывал ковер из веток, однако мыслями Билл находился на Риверсайд-драйв и глядел в непроницаемые глаза статуи. Затем мать жертвы закричала, и Билл вспомнил, где находится: на месте преступления.

– Весенняя зелень скрыла свидетельства последних мгновений жизни Аманды Ньюсом, – произнес ведущий, – но для матери Аманды все случилось будто вчера. Далее, после рекламы: вам трудно принимать решения? Поможет «Флорп»!

Билл вспомнил, где находится: в Швейцарских Альпах, во время изматывающей поездки на велосипеде, и слушает подкаст. Потом его позвала жена, и он вспомнил, где находится: в гостевой спальне, на очень дорогом велотренажере, и смотрит на большой экран, на котором транслируется одна из сотни запрограммированных поездок.

Билл поставил Альпы и подкаст на паузу и вынул из ушей наушники. Питтипэт выглядела озабоченной.

– Спасибо, – сказала она. – А теперь, пожалуйста, повтори еще раз.

Билл на мгновение задумался. О чем они говорили? Ах да.

– Я записался на курс по изучению буддизма.

– Курс по изучению буддизма?

– «Введение в Восточноазиатский буддизм». Ведет профессор Колумбийского университета Карл Шимицу. Обычно он не читает лекции летом, но в этом году сделал исклю-

чение. Он – легенда. Можно сказать, гуру буддизма.

– Гуру буддизма?

– Именно.

– Разве гуру буддизма – не Будда?

– Э-э... да, но он больше не преподает.

– Я думала, ты летом не станешь ничем заниматься.

– Не стану! – воскликнул Билл и только сейчас заметил тревогу во взгляде жены. – Разве ты против? Это же просто обучение.

– Естественно, я не против, – ответила Питтипэт, безуспешно стараясь сохранять спокойствие. – Ты же сам понимаешь, это не просто обучение.

– Просто обучение, и все.

– Ага, как же.

– Именно так!

Питтипэт засмеялась.

– Извини, конечно, разве ты себя не знаешь? Ты пройдешь курс. Заразишься идеей. Захламишь нашу квартиру буддистской атрибутикой. Вызубришь теорию буддизма от «А» до «Я». Победишь и завоюешь буддизм.

– Завоевать буддизм? Буддизм – не про завоевание, ровно наоборот, – возразил Билл и после некоторого раздумья добавил: – Впрочем, я мог бы стать одним из величайших буддистов всех времен.

Питтипэт засмеялась, поскольку понимала, что он шутит, но не слишком весело, поскольку понимала, что в этой шутке

лишь доля шутки. Билл взял ее руку и поцеловал.

– Пожалуй, ты права: мне нужна фишка. Возможно, моей следующей фишкой станет буддизм. А что еще? Гольф? Целыми днями торчать на поле, читать тематические журналы, смотреть видео и тренировать удары? Или, может, яхты? Автомобили? Какой будет следующая фишка – яхты, автомобили или гольф?

Он засмеялся. Она нет.

– Я, – сказала Питтипэт. – Я хочу стать твоей фишкой.

– Ты и так моя фишка, это же очевидно. – Только сейчас Билл понял: вовсе не очевидно. – Да ладно тебе, ты всегда будешь моей фишкой номер один. А буддизм – фишка номер два.

Слова пришлись к месту. Билл знал: если правильным образом взять жену за руку, их эффект усилится. Вспотевшие волосы торчали в разные стороны, футболка задралась над велосипедными шортами, открывая живот, но слова были правильными. Несмотря на обиду, Питтипэт смягчилась. Приятно, когда рядом есть человек, который тебя бесит. Что ж, если Билл хочет примерить на себя новую личность, нужно представить наилучшую версию этой личности и помочь ему приблизиться к идеалу.

– Ладно, раз ты собираешься снова сесть за парту, – сказала она, – тебе понадобится рюкзак.

Питтипэт уткнулась в телефон, чтобы найти рюкзак – именно такой, как надо, а Билл вернулся в Альпы, на место

преступления, а также к статуе на Риверсайд-драйв.

Элис и Боб вышли на улицу. Неоновая вывеска над «Каштановым скунсом» ожила, залив тротуар светом.

– Ты есть на фейсбуке? – поинтересовалась Элис.

Ответ на этот дежурный вопрос ее удивил.

– Нет.

– Правда?

– Правда.

– А в инстаграме?

– Тоже нет.

– А где ты есть?

– На «Флиртариуме», – ответил Боб. – И еще здесь, рядом с тобой.

Элис рассмеялась.

– Сколько тебе лет?

– Сорок.

– Не может быть!

– Я родился в семьдесят пятом. С тех пор прошло сорок лет. С календарем не поспоришь.

– Круто выглядишь, – проговорила Элис. Боб знал, что это правда. Не далее как на прошлой неделе он сказал одной

девушке, что ему тридцать, и та поверила. – Ты вампир?

– Нет, но мой стоматолог утверждает, что в жизни не видел таких острых зубов. – Боб открыл рот. – Полюбуйся на клыки.

Элис заглянула внутрь. Зубы как зубы. Правда, здесь темно.

– Ну не знаю.

– Можешь потрогать, если хочешь, – предложил Боб. Элис подавила внезапное желание коснуться его губ, почувствовать прикосновение зубов, оказаться в пасти и быть сожранной, как Златовласка медведем. Боб пристально смотрел на нее. Внезапно в его облике промелькнуло нечто крокодилье.

– Нет, спасибо, – вежливо отказалась она. – И как жилось в доисторические времена?

Боб рассмеялся. Атмосфера вновь стала непринужденной.

– Доисторические времена? Ты имеешь в виду Темные века?

– Точно, Темные века.

– Что рассказать тебе о Темных веках? Представь: четверг, летний вечер – такой, как сегодня. Ты берешь телефон...

Элис достала свой айфон.

– Так...

– Нет, не так. Телефон висит на стене в кухне. Им пользуется вся твоя семья. Значит, берешь этот телефон и звонишь

подруге, а та отвечает по телефону, который тоже висит в кухне. И разговариваешь. Ртом.

– Ого!

– Если, конечно, тебе удастся застать ее дома. А если нет, ты понятия не имеешь, где она и чем занимается. Догадаешься, что нужно делать в таком случае?

– Проверить инстаграм?

– Не-а.

– Фейсбук?

– Не-а. Садись в машину и едешь искать. Просто мотаешься по округе, как привидение в «Пакмане»¹⁶.

– Что за «Пакман»? – переспросила Элис. Боб невыразимо грустно взглянул на нее. – Да пошутила я, пошутила. Продолжай.

– В общем, едешь. А потом вспоминаешь, что где-то у кого-то вечеринка, и направляешься туда. Возможно, приятно проведешь время – или нет. Возможно, встретишь там свою подругу или узнаешь о другой вечеринке и поедешь туда. Возможно, там будет полный отстой. Или полный улет. Нельзя узнать заранее, выход один – приехать и убедиться своими глазами. Примерно как серфить, только не в интернете, а в реале.

– Звучит кошмарно, – отозвалась Элис. – Сколько бензина приходилось тратить.

---

¹⁶ «Пакман» (Pac-Man) – аркадная игра, вышедшая в 1980 году. Задача игрока – управляя Пакманом, съесть все точки в лабиринте и избежать привидений.

– Вовсе нет. Бензин, конечно, тратить приходилось, но было здорово. Потому что в конце вечера оказываешься там, где совершенно не рассчитывал оказаться. Это же Темные века. А Темные века – время волшебства.

Элис взглянула на Боба, Боб взглянул на Элис. Оба замолчали, слушая голос ночи. На тротуаре былолюдно и в то же время пусто. Неподалеку сверкнула вспышка фотоаппарата. Стало тихо. Элис безошибочно поняла, что происходит, Боб тоже. Даже Сун-ми поняла. Фотоаппарат со вспышкой принадлежал Сун-ми; несколько недель спустя она поместила этот снимок, сделанный во время поездки с классом в Нью-Йорк, на рабочий стол своего компьютера в Селуле. Он находился там много лет, и все годы Сун-ми смотрела на пару, стоящую позади нее и подруг, и поражалась тому, как они смотрят друг на друга, с надеждой и спокойствием, словно потрепанные корабли, вернувшиеся в родную гавань. Кто эти люди? Они поженились? Неужели любовь – это так просто?

Хлопнула дверь машины, послышался цокот каблуков.

– Я на свободе! – раздался хриплый голос Рокси. – Извините, пришлось задержаться.

Ее платье поражало воображение: оно кружилась и трепетало, словно под музыку. Лицо тоже поражало воображение, но по-другому: ко лбу ненадежно крепилось гнездо из бинтов и марли, едва прикрывая жуткие синяки. Однако Рокси была готова веселиться, как трехногая собака, которая улы-

бается во всю пасть и виляет хвостом, не понимая, что у нее чего-то не хватает.

– Ух ты! Привет, Рокси! – сказала Элис, стараясь не отшатнуться. – Рокси, это Боб.

– Привет, – радостно откликнулась Рокси, весьма довольная увиденным.

– Привет, – отозвался тот и осторожно добавил: – Похоже, ты сказала правду. Про нос.

– Конечно! Он сломан. Заживет недели через три. Слава богу, я ничего не чувствую, спасибо моим маленьким помощникам. – Рокси подняла флакон с болеутоляющими таблетками. – Их вроде нельзя мешать со спиртным, но я собираюсь это сделать. Прямо сейчас. Вот в этом баре. – Боб и Элис прекрасно поняли, однако она добавила, чтоб уж наверняка: – Давайте выпьем!

Надо предупредить новую соседку, что это плохая идея, подумала Элис. Вообще-то, и так понятно – видимо, всем, кроме Рокси.

Однако Боб просто пожал плечами.

– Я могу составить компанию, – сказал он.

Рокси повернулась к Элис, и в ее взгляде безошибочно читалось: «Иди домой».

Было десять часов вечера. По всему Манхэттену супружеские пары лежали в постели, уткнувшись в телефоны, и в одиночку покоряли бескрайние галактики интернета. Питтипэт взглянула на Билла. Ей удалось найти для мужа замечательный рюкзак, который доставят завтра. «Ему очень пойдет», – подумала она.

Питтипэт повернулась на другой бок. Телефон лежал на тумбочке. Она попыталась заснуть, но мысль о том, что за бортом плещется океан непознанной информации, не позволяла ей погрузиться в объятия Морфея. Она взяла мобильный и увидела сообщение.

– Здравствуйте, Марианна. – (Для тех, кто не являлся членом семьи, Питтипэт была известна как Марианна Лессер Квик.) – Это Чип из «Рок Пропертиз». Я увидел ваше письмо по поводу дома 1111 на Пятой авеню. Буду рад показать квартиру. У вас есть агент?

Питтипэт написала Чипу электронное письмо в старомодно-формальном стиле (оно начиналось: «Дорогой Чип»), а он ответил эсэмэской. Странно.

– Здравствуйте, Чип. Нет, у нас пока нет агента.

– Хорошо. Когда вы хотите прийти?

– Завтра вас устроит?

Питтипэт успела просмотреть восемь образцов обоев «под старину», которые неплохо подойдут для уборной, когда наконец пришел ответ.

– Завтра я немного занят. Могу показать в пятницу. В девять тридцать не поздно? Квартиру хорошо смотреть вечером. Оттуда самый возбуждающий вид на Манхэттен.

Слово «возбуждающий» ее взволновало. Как фамильярно. Питтипэт нашла на сайте Чипа его фотографию. Дорогая стрижка, убийственно холодные голубые глаза, как у хаски, волевой подбородок. Билл пукнул.

– Прости, – полусонно пробормотал он.

– Милый, ты занят в пятницу вечером?

– В пятницу первый день обучения. Ты сказала, вечером? Нет, а что?

– Хочешь посмотреть квартиру?

– На Пятой авеню?

Надо же, он слушал.

– Да. Риелтор предлагает посмотреть ее вечером. Говорит, оттуда самый возбуждающий вид на Манхэттен.

– Что ж, такое нельзя пропустить. – Не открывая глаз, Билл ухватился за ближайшую часть тела своей жены, до которой смог дотянуться. Питтипэт шлепнула его по руке и даже в темноте увидела, как он улыбается, засыпая.

Нет сомнений, в доме 1111 по Пятой авеню они будут счастливы. Пожалуй, в гостиной стоит разместить какой-нибудь изысканный образчик буддийского искусства. И сувенир из Колумбийского университета – например, бирюзовую вышитую подушку с короной. Что-нибудь изящное. Хорошо, когда дети растут в окружении достойных вещей. Ни Билл,

ни Питтипэт не учились в заведениях Лиги Плюща¹⁷, но это вписывалось в эстетический замысел Питтипэт. Слава богу, что Билл собрался в Колумбию, а не в Принстон. Оранжевый цвет был бы совсем не к месту.

– В пятницу вечером нас устроит, – написала она Чипу и положила телефон на тумбочку экраном вниз.

Лишь отойдя на три квартала от ресторана, Элис поняла, как сильно расстроена. Ну и ладно. Пусть наслаждаются обществом друг друга. Ей совершенно все равно. В голове забурило вступление к шопеновскому Скерцо № 3. Пальцы подхватили музыку, забарабанили *con fuoco*¹⁸ по бедру в такт нарастающему гневу. Элис так разозлилась, что даже не стала читать сообщение от Либби, которая умерила свое раздражение и попросила продолжить присматривать за Тюлип, но более ответственно относиться к расписанию.

Элис вернулась домой и выпустила Гэри из клетки. Тот

---

¹⁷ Лига Плюща – ассоциация восьми частных американских университетов, отличающихся высоким качеством образования. В Лигу Плюща входят Брауновский университет, Гарвардский университет, Дартмутский колледж, Йельский университет, Колумбийский университет, Корнеллский университет, Пенсильванский университет, Принстонский университет.

¹⁸ Пламенно, страстно (*итал.*).

сделал несколько кругов по кухне и опустил ей на плечо. Она дала ему семечко, затем включила ноутбук – как всегда, с намерением заняться чем-нибудь полезным, но умом понимая, что ничего не выйдет. На часах – четверть двенадцатого. Элис выпила три бокала, и все они ополчились против нее. Она сидела за кухонным столом, рядом с голубым деревом, и тарасилась в экран, словно в волшебное зеркало, которое не отвечает. Воображение рисовало картину, как Рокси и Боб гуляют по городу и целуются (так оно и было), а потом идут к нему домой, чтобы получить быстрое и взаимное удовлетворение. Элис отказывалась верить, что Боб этого хотел (действительно хотел; они с Рокси оба этого хотели). Наверное, каждый этого хочет. Может, именно в быстром кайфе и заключается смысл жизни, а долгая игра, за которую борешься, к которой стремишься, на которую тратишь силы, – удел неудачников.

Элис открыла анкету для регистрации на MCAT и тут же закрыла. *Не могу*. Что угодно, только не это. Например, шоу «Темная сторона любви» – о нем все говорят. Она зашла в «Зазеркалье» через аккаунт Карлоса. Он увидит, что она смотрела «Темную сторону любви», сочтет примитивной дурочкой и порадуетсся их разрыву. Впрочем, какая разница? Пусть думает что хочет. Элис все равно об этом не узнает. Его мнение останется при нем, в Куинсе, в мансардной квартире в полумиле от железнодорожной станции.

Гэри потоптался на плече у Элис и получил еще одно се-

мечко.

Фейсбук. Карлос Декэй. Не женат. На странице ничего нового; последняя запись сделана в декабре – речь Уинстона Черчилля. Ну еще бы. За все время их отношений, единственное, чего Карлос хотел от Элис, – чтобы она проявила интерес к Уинстону Черчиллю. Он советовал ей книги о Черчилле, кидал ссылки на статьи, предлагал документальные фильмы, присылал мемы и даже пригласил в Лондон посмотреть музей-бункер Черчилля. Полтора года Элис упорно и последовательно отвергала присутствие Черчилля в своей жизни. Только здесь, сейчас, будучи свободной от обязательств, она решила выказать любопытство в отношении величайшего британца в истории. И кликнула ссылку.

Это оказалось обращение сэра Уинстона к совместному заседанию Конгресса на следующий день после Рождества, через девятнадцать дней после Перл-Харбора. Речь «Хозяева своей судьбы». Карлос о ней рассказывал. Он подробно разъяснил, в чем значение и важность этой речи, а Элис слушала, кивала и соглашалась – да, речь очень важная. Отношения – это прикольно, но в то же время тяготно. Хорошо, что сейчас она ни с кем не встречается.

Элис нажала кнопку «воспроизвести». На размытом черно-белом кадре появился маленький Черчилль в пижонском смокинге. Перед ним стоял частокол старомодных радиомикрофонов.

– Уважаемые члены, э-э, Сената и, э-э, Палаты представи-

телей, – произнес он чуть дребезжащим голосом с британским акцентом, – для меня большая честь присутствовать, э-э, здесь...¹⁹

Чего ты хочешь на самом деле?

Черчилль продолжал что-то бубнить, только Элис уже открыла «Ловец жемчуга». Новых постов пока нет. Ребята из «Ловца жемчуга» ушли отдыхать. Сайт небольшой, но популярный, так что существует не зря. Реальные люди, которых Элис знала по их статьям – Джинзи Милано, Томасина Орен, Грант Нуссбаум-Ву, специалист по этике Гровер Кайнс, – наверное, сидят сейчас в баре и поднимают тосты за день, проведенный с пользой. Вот такусенькой чуточкой-крохотулкой пользы.

– Как бы я хотел, чтобы моя мама, – произнес Черчилль, и в его голосе зазвучала печаль, привлекающая внимание Элис, – светлый образ, э-э, которой по прошествии лет не тускнеет в моей памяти, могла сейчас присутствовать здесь...

Пора заниматься.

Элис зашла в электронную почту. В папке «Черновики» открыла последний черновик письма, адресованного матери, Пенелопе Старлинг Квик. В углу страницы рядом с адресом была фотография Пенелопы – маленькая, плохого качества. Она навсегда останется здесь, в маленькой темной пещере застывших размышлений и неразрешенных сомнений.

---

¹⁹ Здесь и далее речь цитируется по сборнику «Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля». Издательство «Альпина нон-фикшн» (пер. С. Чернин).

Элис не знала, зачем начала писать это письмо, зачем уже несколько месяцев открывает и закрывает его, почему никогда не отправит, а если даже и отправит, то неизвестно для чего. Возможно, в мамином почтовом ящике тоже хранится неотправленный черновик, адресованный дочке. Ее почтовый ящик еще существует? Никто не знал к нему пароля. Что происходит с аккаунтом, в который больше трех лет не заходили?

ДИНЬ!

Уведомление от фейсбука. Заявка в друзья.

Боб Смит.

Боб Смит? Должно быть, тот самый Боб. Кто же еще?

Да, тот самый Боб.

Элис зашла на его страничку. Ни фотографий, ни постов, ни друзей. Только имя – Боб Смит. Она приняла заявку в друзья. Тут же пришло сообщение.

– Не спишь?

Он что, предлагает встретиться? Серьезно? Рокси нет дома – значит, он еще с ней? (Боб действительно был с ней; он прятался в ванной, а в это время Рокси, голая, лежала на кровати и листала «Флиртариум», подыскивая следующего кавалера.)

– Не сплю, – ответила Элис. – Ты же вроде говорил, тебя нет на фейсбуке.

– Меня здесь и не было. До этой минуты. Я не взял твой номер телефона, поэтому зарегистрировался и нашел тебя.

– Ну привет.

– Привет. Просто хотел сказать – мне было приятно провести с тобой вечер. Надеюсь, ты все-таки поступишь на медицинский. Думаю, из тебя получится хороший врач. Не сдавайся.

Конечно, приятно, что этот Боб хочет пообщаться, но разве не он только что ушел с ее соседкой? Что полагается говорить в таких случаях? К чему вообще был этот вечер? К чему были последние три года, да и все двадцать восемь лет жизни? Это дно. Квартира в подвале – дно. Элис сомневалась, что ей удастся выкарабкаться. И тут слова ее товарища по подвалу, произнесенные три четверти века назад, оказались как раз к месту.

– Сегодня, сейчас мы – хозяева своей судьбы, – изрек сэр Уинстон, – и нам по силам решить стоящую перед нами задачу; нам хватит стойкости и мужества, чтобы выдержать все испытания и лишения. – Испытания и лишения, повторила Элис. – Пока мы преданы своим идеалам, пока наша воля несокрушима, у нас остается шанс на спасение. Говоря словами псалмопевца: «Не убоится худой молвы: сердце его твердо, уповая на Господа»²⁰.

Элис почувствовала возбуждение. Мозг зарегистрировал оживление и решимость. Руки сами потянулись к клавиатуре. Она закрыла Боба, фейсбук и электронную почту, сэра Уинстона и инстаграм. Закрыла «Ловца жемчуга» и чернич-

---

²⁰ Псалтирь, глава 111, стих 7.

ные маффины с чихуахуа (их прислала Рокси, и они действительно оказались забавными).

Единственное, что осталось на экране, – анкета для регистрации на МСАТ, тест для поступающих на медицинский факультет. Огромная каменная стена, вздымающаяся в бесконечность. Не дав себе времени набрать воздуха в грудь или произнести краткую молитву, Элис начала карабкаться по поверхности этой стены, заполняя клеточку за клеточкой, строку за строкой. *Не отвлекайся. Не отвлекайся.* Не успела она и глазом моргнуть, как заполнила первую страницу из семи. Потом вторую. *На сей раз я справлюсь.*

Тишину пронзил протяжный резкий визг. Детектор дыма. Ложная тревога, сказала себе Элис, не желая знать, что в комнате Рокси начали тлеть розовые занавески. Четыре страницы из семи.

Послышался стук в дверь. «Рокси, ты в порядке?» Пять страниц из семи. Из-под двери Рокси просочился дым, тонкой струйкой потек в кухню. *Еще минутку.* Контактное лицо на непредвиденный случай. Кого написать? Брата. Его телефонный номер и адрес. А если они с Питтипэт переедут? Боже мой, у них не квартира, а настоящий дворец, зачем им переезжать? *Не отвлекайся.* Шесть страниц из семи.

Гэри не понимал, почему его мама, бескрылая великанша, хранительница семечек, не двигается с места. Разве она не слышит яростных криков ястреба? Разве не чувствует запаха дыма? Разве тысячелетия бедствий не привели ее к пони-

манию, что надо спастись?

Гэри захлопал крыльями, чтобы привлечь мамино внимание, – тщетно. Он раскрыл клюв, но, как обычно, не смог издать ни звука. Тогда кенар слетел с плеча, сделал круг по кухне, потом еще один, на сей раз прямо перед Элис, но она так и не шевельнулась. Вместо этого большая ласковая дарующая семечки рука потянулась к окну и открыла форточку. Гэри почувствовал дуновение свежего воздуха и понял: пора. Он прыгнул на подоконник, бросил последний взгляд на маму и взмыл в небеса.

Элис открыла входную дверь, прежде чем пожарные успели ее выбить. Когда они ворвались внутрь, она лишь ошарашенно улыбнулась. На экране мерцала надпись: «ПОЗДРАВЛЯЕМ! ВЫ ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ. ДАТА ТЕСТА – 1 °СЕНТЯБРЯ 2015 ГОДА».

Ущерб оказался незначительным. Комната не проветривалась, поэтому, сожрав занавески и кусок обоев, огонь утратил аппетит. Когда Рокси добралась домой, пожарные уже уехали, а Элис спала. Плюхнувшись на кровать, чтобы стачить сапоги, Рокси решила, что кому-то из соседей приспичило в четыре часа утра пожарить ребрышки. Через два часа

она проснулась и заметила приколотую к двери записку: «У тебя загорелись занавески. Элис».

Занимался рассвет. Элис сидела на ступеньках у входа в здание, пила чай и производила подсчеты.

Сегодня десятое июня. До десятого сентября тринадцать недель. Минимальное рекомендованное время подготовки – триста часов. Хороший результат – четыреста. Значит, нужно заниматься пятьсот часов. Пять сотен часов делим на тринадцать недель. Тридцать восемь часов в неделю. Пусть будет сорок. Сорок часов в неделю. Как работа на полную ставку.

А что, вполне реально. Это как с фортепиано. Обычному человеку сорок часов занятий в неделю кажутся неприступной вершиной. Однако виртуоз смотрит на вещи иначе. Например, у обычных людей есть выходные. Если их отменить, тогда неделя будет не пять дней по восемь часов, а семь дней по шесть часов. Еще обычные люди спят. Если после работы заниматься шесть полновесных часов, остается пять часов на сон – этого вполне достаточно.

Элис установила на телефоне будильник. Теперь каждый день лета будет начинаться с надписи: «ДОБРОЕ УТРО! ДО ТЕСТА ОСТАЛОСЬ 92 ДНЯ».

Это ее метроном, и она сыграет каждую ноту. «Только так можно достичь успеха», – сказала себе девушка маминым голосом. Главное – не отвлекаться.

– Прости за пожар, – произнесла Рокси. От неожиданно-

сти Элис чуть не облилась чаем.

– Ничего. Я была уверена, что задула свечи.

– Ты задула. Просто я зажгла их снова. И забыла. Пора с ними завязывать.

Элис не рассчитывала увидеть Рокси на ногах, и не просто на ногах, а со свежей повязкой на носу и в костюме для пробежки.

– Не переживай, – сказала она. Сейчас ей не хотелось разговаривать.

Рокси заметила на коленях у Элис большую книгу в желтой обложке – руководство по подготовке к МСАТ 2013 года, которую та купила два года назад и хранила в надежде, что нужный день наконец настанет.

– Поступаешь на медицинский?

– Планирую.

– Ух ты! Хочешь стать врачом?

– Если сдам.

– Конечно, сдашь. У тебя же есть учебник.

– Нужно просто взяться за дело и сосредоточиться.

– Это самое главное.

– Ага. Через пару часов мне на работу, так что я бы пока позанималась...

– Вот это да! Врач. Доктор Элис... как твоя фамилия?

– Квик.

– Доктор Элис Квик. Вызываю доктора Квик!

– Э-э... мне надо заниматься.

– Да, точно. – Обратив внимание, что взгляд Элис заметался между ней и желтым талмудом, Рокси добавила: – Ладно-ладно, не буду тебя отвлекать. – И убежала.

Оставшись в одиночестве, Элис открыла толстую книгу. Корешок был еще твердым, страницы плотно слиплись между собой. Первый заголовок – «Биологические и биохимические основы функционирования живых систем». Все это она уже учила в колледже, а потом забыла, но знания до сих пор хранятся на дальних полках мозга, и если хорошенько порыться, то можно выудить их на свет божий. От этой мысли на душе стало легче.

Зажужжал телефон. Звонила Рокси.

– Привет, док, – начала она. Элис поморщилась. – Просто хотела еще раз сказать, мне реально неловко, что я устроила пожар. Ты злишься?

А ты как думаешь?

– Нет, вовсе нет.

– Ладно.

Элис вернулась к учебнику. Органическая химия.

– И еще. Прости за вчерашний вечер. Ну за историю с Бобом.

Это извинение явно шло не от души, а так, для галочки. Элис пришлось выдержать самый стремный ужин в своей жизни с каким-то незнакомым неудачником... прости. Она прекрасно провела время, они с Бобом уже готовы были поцеловаться, но тут примчалась Рокси и украла его... прости.

Элис заподозрила (и не ошиблась), что Рокси поднаторела в извинениях, хотя на самом деле не испытывала мук раскаяния. Впрочем, какая разница? Эта квартира нужна ей лишь для того, чтобы спать и заниматься. Ее личный бункер.

– Все в порядке! Пожалуйста, не переживай! – Элис поставила восклицательные знаки, но не для того, чтобы подчеркнуть искренность слов, а просто стремясь поскорее завершить разговор.

– Я хочу быть хорошей соседкой, – тут же ответила Рокси. – У меня были сотни соседей, и я всегда старалась наладить с ними отношения. Я хотела бы, чтобы мы подружились.

Рокси бежала по Централ-Парк-Норт, направляясь в сторону парка. В этот утренний час на улице было пусто, тишину нарушал лишь размеренный звук ее шагов и случайный плеск просыпающихся черепашек в озере Гарлем. Рокси пробежала мимо пенсионерки-библиотекарши по имени Памела Кэмпбелл Кларк, которая пересекла велосипедную дорожку за семь секунд до того, как по ней пронесся велосипедист. Однако Рокси этого не видела. Она смотрела в экран телефона.

– Я хотела бы как-то загладить вину. Может, вместе позавтракаем? Я вернусь, и мы сходим поесть оладушек.

«Господи, да пойми же ты намек», – подумала Элис. Сегодня не время для оладушек. Сегодня и следующие девятьсто один день ей предстоит готовиться к самому трудному

тесту на свете. Пора за дело. Элис открыла учебник, начала читать про органическую химию, прочла два предложения и взяла телефон.

– Хорошо, давай.

Утром – оладушки, а вечером, после работы, надо будет ударно позаниматься.

Прошла секунда. Вторая. От Рокси – ничего. Элис хотелось поскорее отправиться за оладушками, чтобы не передумать. С каждой секундой вероятность того, что она передумает, становилась все сильнее. *Давай, Рокси.*

Она так и не дожидается ответа. По крайней мере, этим утром. Новая подруга Элис Роксана Миао свалилась в озеро.

Глава 2

Тела

– Умерла?

– Да.

У Элис раскалывалась голова после вчерашнего, да еще Тюлип выбрала такую тему для разговора – о котором, несомненно, расскажет Либби, и это будет стремно.

– Что с ней случилось?

– Она сильно болела и потом умерла.

– Ты по ней скучаешь?

– Конечно.

Удивительно, что Тюлип так долго об этом не спрашивала. У девочки было два состояния: твердое и жидкое. Если дать ей планшет, она растекалась по дивану, как лужица, которую не заметишь, пока не сядешь, а без планшета держалась прямо, напряженно, расставив острые локти и колени. В твердом состоянии Тюлип любила задавать неудобные вопросы. За год ей удалось взять подробное интервью, практически полностью раскрывающее личность Элис Квик и затрагивающее самые разные темы: удочерение, фортепиано, колледж, Гавайи, ее брат, друзья, парень, расставание с вышеупомянутым парнем, жизнь в Нью-Йорке без парня. Только два важных вопроса до сих пор ускользали от внимания юной следовательницы: медицинский факультет и мама

Элис. Вскоре медицинский факультет станет единственным секретом Элис.

– Почему она умерла?

– Потому что тяжело болела.

– И все-таки – почему?

– Люди иногда болеют, – ответила Элис. – Не дети, – поспешно добавила она. – Как правило, старики.

– Твоя мама была старая?

– Не очень.

– Ты никогда ее больше не увидишь.

– Знаю.

– Только на небесах.

– Это точно.

– Думаешь, рай существует?

– Тыюлип, давай поговорим о чем-нибудь другом.

– Почему?

– Мне не хотелось бы говорить на эту тему.

– Но ты никогда больше не увидишь свою маму! Ее больше нет! И это навсегда!

Дети удивляются смерти, она их завораживает. Взрослых это ужасно бесит, однако дети правы, а взрослые – нет. Разве можно равнодушно относиться к тому, что оживленный рой светлячков и летучих мышей, который мы называем сознанием, вдруг останавливается? Такая ужасающая несправедливость возмущает детей, ведь они еще не выросли и не превратились в зануд, которых совершенно не трогает, что

однажды жизнь закончится, а близкие не будут знать пароль от твоей электронной почты.

Элис пришла домой, слишком усталая, чтобы заниматься, и сразу уснула, а когда проснулась, увидела сообщение: «ДОБРОЕ УТРО. ДО ТЕСТА ОСТАЛСЯ 91 ДЕНЬ». Сегодня не надо присматривать за Тюлип, впереди целый день, и это здорово, потому что желтый учебник выглядит еще толще, чем вчера. В общем, пора за дело.

– В общем, Боб.

Рокси приложила к лицу пакет со льдом, охлаждая нос через толстый слой бинтов и пластырей. Из ее комнаты тянуло горелыми занавесками.

Элис весь вчерашний день старалась не думать о Бобе.

– Так что с ним?

– Предлагает встретиться снова.

– Это же хорошо.

– Да, типа того. – Немного подумав, Рокси добавила: – Но я ничего о нем не знаю.

– В каком смысле?

– Ты знаешь его полное имя?

– Боб Смит.

– Боб Смит, – повторила Рокси. – Теперь понимаешь, в чем проблема?

Элис задумалась.

– Как Роберт Смит из «Кьюр»?

– Кто?

– Ну «Кьюр». Такая группа. Ты что, о них не слышала?

– Не-а. Это было еще до меня, бабуля. – (Рокси сказала Элис, что ей двадцать семь; в действительности ей тридцать четыре.) – Дело не в том, что какого-то чувака из какой-то группы тоже зовут Роберт Смит. Проблема гораздо шире. Сама подумай – Боб Смит...

– Ты не можешь его загуглить.

– Вот именно! В мире живет хрентильон Робертов Смитов. А в Нью-Йорке – полхрентильона.

Элис представилась подходящая возможность сказать, что в ночь пожара они с Бобом зафрендили друг друга в фейсбуке. Тик-так, тик-так... момент был упущен. Рокси наполнила свой бокал и продолжила:

– Я понятия не имею, кем работает мой Боб Смит и где он учился. Не за что зацепиться, понимаешь?

Элис прикинула, что ей известно о Бобе. Родился в семьдесят пятом. Считает бананы смешными. В памяти всплыла полезная подробность.

– Я знаю того, кто с ним знаком.

– Правда?

– Моя подруга Руди Киттикорн.

– Произнеси по буквам, – попросила Рокси и вскоре уже разглядывала фотографии Руди – групповой снимок с университетского матча по софтболу и фото для резюме на фоне грязно-желтой штукатурки, – а в это время Элис рассказывала ей историю про компьютер ЛЕО. Эпизод про «Я –

банан» в пересказе оказался совсем не смешным. На кухонном столе лежал так и не раскрытый желтый учебник. Рокси проверила, кто у Руди в друзьях. Боба Сми́та там не обнаружилось.

– Напиши ей, – велела она. – Выясни, что он за человек.

Элис хотелось приступить к занятиям, тем не менее она написала Руди и спросила про Боба. Странно все это. Она не общалась с Руди с пятого класса, с тех пор как перешла в другую школу и посвятила жизнь фортепиано. Они с Руди жили на одной улице, но их судьбы разошлись, и дружба затухла.

Рокси опаздывала на работу, однако решила задержать-ся на две минуты, чтобы дождаться ответа от Руди, а когда не дождалась, задержалась еще на пять минут, затем еще на пять, а потом все-таки ушла, потому что окончательно опоздала. Цокот каблучков по лестнице стих. Элис осталась одна. Впереди целый день. Надо использовать его максимально продуктивно.

Она раскрыла книгу. Твердая обложка гулко стукнулась о ламинированную столешницу.

Глава первая. «Органическая химия».

Как странно – здесь мой новый дом. Элис переезжала по несколько раз в год, но впервые поселилась с совершенно незнакомым человеком. Не прошло и минуты, как Рокси встретила ее на пороге, и квартира в подвале сразу стала ей домом. Теперь это ее холодильник, ее плита, ее кастрюли,

ее батарея. Элис оглядела кухню, пытаюсь вычислить, что за личность эта Рокси. Не стоило утруждаться – Рокси унаследовала всю обстановку от предыдущих арендаторов, а большая часть их имущества была унаследована ими от тех, кто жил здесь до них, и так далее, до зари времен, когда первые одиночки начали снимать жилье в Нью-Йорке. Возможно, Рокси добавила к интерьеру кухонную лопатку, или полотенце, или магнитик на холодильник, в целом же это жилище походило на ракушку для крабов-отшельников. С того дня, как дерево выкрасили голубым цветом, здесь селились исключительно одинокие, неприкаянные люди. Квартира видела шумные вечеринки, жаркие споры, многочисленные любовные свидания, но в ней ни разу не стояла детская кроватка.

Глава первая. «Органическая химия».

Слишком тихо. Нужна музыка. И не просто музыка, а специальная подборка для учебы. Элис достала телефон. Что-нибудь из классики, только не заунывное. Точно не Брамс. Возможно, Шопен. Что-нибудь сочное, бравурное, духоподъемное. Элгар? Пожалуй. Хотя одна только классика может надоесть. Значит, нужно добавить что-нибудь энергичное, молодежное. Бодрое, но без текста, чтобы не отвлекаться. Составить плей-лист, удовлетворяющий всем требованиям, не так просто, однако Элис рьяно взялась за работу. Она надела наушники и добросовестно принялась шерстить библиотеку «айтюнс», перепрыгивая от жанра к жанру. В ре-

зультате в подборку вошло семьдесят восемь песен, которые удалось сократить до приемлемых тридцати двух. Тридцать два музыкальных трека станут верными спутниками Элис при подготовке к тесту. В один прекрасный день, когда после ее имени будет гордо стоять приписка «доктор медицины», она услышит по радио одну из этих песен, вспомнит напряженное лето, проведенное здесь, в доме на Сто одиннадцатой улице, за кухонным столом рядом с голубым деревом («Останется ли оно к тому времени голубым?» – подумала Элис), и удовлетворенно улыбнется, ведь она поставила себе цель и достигла ее. Эта музыка приведет к успеху.

Элис нажала кнопку «случайный выбор». Зазвучала песня Нелли «Жара здесь». За входной дверью послышался шум.

– Привет, как дела?

Рокси вернулась с работы. Элис взглянула на часы, потом на учебник. Она не прочитала и страницы. «Органическая химия» по-прежнему таранилась в потолок, словно непроданная рыба. Единственный результат за сегодня – тридцать две песни. В один прекрасный день, подумала Элис, она услышит по радио одну из этих песен и вспомнит, как хотела стать врачом, но позорно провалилась, ибо все, на что она способна, – три часа не ходить в туалет.

Зато у Билла все было совсем по-другому. Утром перед первым занятием он прочел материалы на две недели вперед. Потрясающе! Мир добуддийской Индии! Ведическая космогония! Огненные жертвоприношения! Он выписал несколько вопросов для профессора Шимицу. На лекции ведь можно задавать вопросы? Как вообще будет проводиться обучение? Прошло много лет с тех пор, как Билл в последний раз находился в университетской аудитории.

Он собрал все, что потребуется для занятий: блокнот на спирали, коробка ручек, учебные материалы, распечатанные и скрепленные медными скобками. Все упаковал в новый рюкзак – именно такой, как надо: ручной работы, из темно-зеленой ткани, с кожаными ляжками и пряжками вместо молний. Причудливо винтажный, но с карманом для ноутбука. Рюкзак для промышленного магната, прикидывающегося бедным студентом.

Если в течение учебного года в фойе главного здания Колумбийского университета было не протолкнуться, то летом учащиеся входили туда неторопливой струйкой. Они поднялись на четвертый этаж пешком – лифт оказался маленьким и неудобным. Билл шел впереди, держась за ореховые перила, старые, как само здание, отполированные тысячами юных потных ладоней. Поднимаясь, он поглядывал на сокурсников, розовощеких, с тощими плечами и коленками, и чувствовал себя головокружительно старым. Никто из них не

замечал красоту деревянных панелей. Все они горят в лихорадке молодости, брожение в сердце, мозгах и паху не дает им покоя. Пройдут годы, прежде чем они начнут смотреть по сторонам, подумал Билл. Этим ребятам по восемнадцать-девятнадцать лет, их тела изукрашены пирсингом и татуировками. Когда-нибудь они пожалеют о сделанных татуировках, а может, к тому времени, как они повзрослеют и начнут об этом задумываться, миропорядок, в котором принято раскаиваться за причуды молодости, уже рухнет.

Билл поднялся на пятый этаж, проследовал в безупречно обустроенную аудиторию – храм знаний, отделанный темным полированным дубом, и подыскал себе место в заднем ряду. Его самоуверенность слегка увяла, но как же волнительно вновь чувствовать неуверенность! Билл был богат, успешен, имел красивую жену, красивую квартиру и кучу красивых вещей, о которых эти дети, сидящие перед ним, могут лишь мечтать. И все же они превосходили его – энергией, татуировками, легкостью, с которой относились ко всему. Билл оказался здесь единственным новичком. Что ж, хорошо. «Чтобы взобраться на вершину, – подумал он, – нужно начать с подножия. Я готов к трудностям!» Он снял колпачок с ручки. Интересно, у кого из этих молокососов на телефоне установлено «ХочуВотЭто»? Наверное, у всех.

Профессор Шимицу беседовал со студенткой, точнее, студентка с ним. А может, вовсе и не студентка. Билл пригляделся: это оказалась женщина лет тридцати, почти его ро-

весница. На ее плече красовались татуировки, как у их юных однокурсников. Высокая и стройная, она возвышалась над профессором и что-то ему говорила, а тот молча слушал. Билл наблюдал за их беседой, словно за спортивным матчем. Женщина взглянула в его сторону. Серые глаза незнакомки сверкнули. Профессор Шимицу что-то ответил и поднял руку, давая понять, что пора приступать к занятиям.

Он осторожно встал, подошел к кафедре, и лекция началась.

– Что такое буддизм?

Час пролетел как один миг. Пока другие студенты собирали вещи и толпой выходили из аудитории, Билл приблизился к профессору Шимицу, поскольку преподаватель был самым значимым человеком в зале. Взрослые и успешные люди поступают именно так: подходишь к самому значимому человеку в помещении, пожимаешь ему руку, смотришь в глаза и тем самым даешь понять, что ты тоже значимый человек.

– Профессор?

Тот поднял глаза от портфеля. Билл почувствовал, что лезть с рукопожатием будет неловко.

– Просто хотел сказать: я очень рад, что записался на ваш курс.

– Спасибо.

– Я учусь по программе последипломного образования.

– Хорошо, – доброжелательно отозвался профессор. Билл смутился. Он не произвел должного впечатления. Надо про-

известии впечатление, Билл!

– Мне понравились ваши слова про ортопраксию, – произнес он. – И про то, что дэвы и боги...

Профессор закрыл портфель, поднес ладонь к уху. В аудитории было шумно.

– Что?

– Мне понравилось, что вы сказали про...

– Что я сказал про?..

– Ортопраксию. – («Орто» – правильный, «праксия» – деяние. Правильные деяния. Противоположность ортодоксии: «орто» – правильный, «доксия» – вера. Ортодоксы требуют правильной веры. Без веры им никуда. Ортопрактикам вера вообще не нужна. Индоарийцы ведического периода делали жертвоприношения и молили дэвов, чтобы те просили у богов благословения, а дэвам и богам было все равно, верят в них или нет, потому что высшая сила заключается не в дэвах или богах, а в самом ритуале. Если ритуал совершен, благословение обеспечено. Действие порождает результат). – И что дэвы и боги...

– Дэвы и боги...

– Похожи на компьютер.

На сей раз Шимицу его услышал и величественно кивнул.

– Ах да!

– Вообще-то, я работаю в компьютерной сфере, – вставил Билл.

– Правда? Очень жаль. – На мгновение Биллу показалось,

будто профессору жаль, что он, Билл, работает в компьютерной сфере, но тот продолжил: – Мне пора. Увидимся в среду.

Старик влился в поток студентов, стремящийся к выходу. Билл неуверенно огляделся и перехватил взгляд сероглазой женщины. Оказалось, у нее на плече вытатуирована роза.

Тем же вечером, освежив повязку на лице, Рокси спросила у Элис через дверь ванной:

– Хочешь сходить со мной на вечеринку?

Элис не хотела. Завтра вставать в шесть утра. Не стоит испытывать терпение Либби.

– Боюсь, не смогу, – ответила она, однако тут же добавила: – Что за вечеринка?

Рокси выглянула из ванной.

– Друг соседа моего коллеги или сосед друга что-то там празднует. Какое-то достижение или майлстоун. В общем, понятия не имею, но будет весело. Боб тоже придет.

– Я думала, ты уже забыла про Боба, – удивилась Элис.

– С чего ты взяла?

Рокси говорила совершенно без упрека, но Элис все равно смутилась.

– Ты же сказала, что не можешь его загуглить.

– Загуглить-то могу, – заметила Рокси, – я целый день этим занималась! – Она провела несколько часов, исследуя биографии многочисленных Бобов Смитов, но нужный так и не нашелся – ни стоматолог Боб Смит из Чикаго, ни бухгалтер Боб Смит из Плано, ни мастер по установке алюминиевого сайдинга Боб Смит из Спокана. Проведя ночь с Бобом Смитом, Рокси точно знала: это не йог Боб Смит, организуемый тантрический ретрит в Биг-Суре. Она благодарила небеса, что это не сценарист Боб Смит, преподающий курс «Сценарий комедии в стиле броманс» в муниципальном колледже Санта-Моники, и была слегка разочарована, что это не инвестиционный банкир Боб Смит, владелец статридцатифутового катамарана на Кей-Бискейн (впрочем, этот Боб Смит вскоре сядет в тюрьму за инсайдерскую торговлю, так что Рокси ничего не потеряла). – Кстати, твоя подруга тебе ответила?

– Руди? Нет.

– Плохо... Мне нужна хоть одна деталь, чтобы сузить область поиска. Школа, родной город – неважно. Может, сегодня мы что-нибудь выясним.

– Мы?

– Да, мы. Ты ведь идешь?

– Я же сказала, не могу.

Рокси оторвалась от многочисленных Бобов Смитов в телефоне.

– Правда?

– Правда. – После пропущенного гола на свидании номер один Элис не очень-то хотелось вновь стоять на воротах на свидании номер два. Впрочем, она не против снова повидаться с Бобом. Именно благодаря ему она укрепилась в решимости сдать тест. Как минимум стоит его поблагодарить. Заодно угостить выпивкой. Совершенно не в романтическом смысле. Чисто по-дружески. Если бы она случайно изменила чью-то жизнь к лучшему, ей было бы приятно об этом узнать. И лучше не эсэмэской или сообщением в фейсбуке. Такие вещи следует говорить лично.

Двадцать минут спустя они с Рокси уже сидели в такси.

Питтипэт находилась в небольшом полутемном баре на Лексингтон-авеню и одновременно на солнечной улице на «гугл стрит-вью», перед домом 1111 по Пятой авеню. Музыка и болтовня посетителей доносились до нее словно издалека. Она вдохнула теплый воздух полной грудью. Над головой раскинулось лазурно-голубое небо, неподалеку стояло вишневое дерево с ярко-розовыми цветами. Какая удача, что машина службы «стрит-вью» проехала здесь именно в такой день, – все выглядело именно так, как надо. У Питтипэт забурлило в животе от предвкушения, что сегодня вечером она

узрит это великолепие собственными глазами.

Вернувшись из солнечного света в полумрак, она нащупала тарелочку с орешками и съела один. Тот оказался перченым – пришлось запить его остатками коктейля «7&7». Питтипэт была одна. Они с Биллом договорились сперва поужинать в «Ля Трайез», однако он узнал, что вечером будет организационное собрание для студентов, и предложил встретиться на месте. Билл был большим специалистом по «встретиться на месте» – постоянно в движении, вечно в поисках наиболее эффективного решения. Питтипэт эта его черта ужасно бесила.

Тем не менее она согласилась, он сказал, что очень ее любит, и теперь оставалось лишь коротать время в баре. Билл писал ей с собрания, в которое входила экскурсия по библиотеке Батлера. Боже мой! Какая библиотека! Потрясающе! Фрески! Картины! Мраморные лестницы! Портрет бывшего президента Колумбийского университета Дуайта Эйзенхауэра в парадной мантии! Ты знала, что Эйзенхауэр был президентом университета? Я – нет!!! А вот главный читальный зал, весь из мрамора! Длинные деревянные столы, массивные стеллажи, зеленые лампы и какой-то латинский девиз над входом. *Magna Vis Veritas* – что это значит? Надо загуглить. Ах да – «Велика сила истины». Бог ты мой, какая глубокая мысль, правда?

– Правда. – Питтипэт знала, что Билл рассчитывает услышать более развернутый ответ. Ему требовалось, чтобы она

разделила его энтузиазм, выразила восторженное одобрение. Он хотел, чтобы главная женщина в жизни Билла собрала мелкие детали его существования – наблюдения, достижения, рюкзаки – и соткала из них масштабное повествование о том, что Билл Квик добился больших успехов и все делал правильно. Иногда Билл казался Питтипэт таким, каким он был на самом деле: маленьким мальчиком, у которого умерла мама.

– Ну все, уже выхожу, – наконец сообщил он. – Библиотека – полный восторг! Она открыта до полуночи. Вот бы как-нибудь зависнуть в ней на целый вечер. Здесь так тихо, просторно и спокойно.

– Хочешь остаться?

– Нет, что ты. Я же еду к тебе!

Питтипэт уловила намек.

– Милый, если хочешь задержаться и почитать, ничего страшного, – написала она. – Я уже на углу Сто одиннадцатой. Посмотрю квартиру сама. Если она действительно хороша, в следующий раз мы придем вместе.

– Ты уверена?

Питтипэт отправила эмодзи с поднятым большим пальцем, и вопрос был решен. Билл повторил, что очень ее любит. Библиотека работает до полуночи; нет сомнений, он останется там, пока охранник не вытащит его из талмудических глубин какой-нибудь распечатки и не попросит уйти.

Ну и ладно. *Скоро я забеременею, и Билл будет принадле-*

жать только мне.

У Питтипэт в животе что-то шевельнулось. От коктейля остался только лед. Она сделала последний глоток, расплатилась и вышла в летнюю ночь.

Вездесущий распечатал пачку сигарет. Элис и Рокси сели в такси и отчалили в направлении Ист-Сайда. Вечеринка проходила в здании без лифта, находящемся на отрезке Третьей авеню, на котором селились преимущественно недавние выпускники университетов, создававшие Нью-Йорку репутацию веселого, молодого, шумного и несносного города. Такси остановилось напротив узкой двери рядом с прачечной самообслуживания. С третьего этажа доносилась музыка. Рокси нажала кнопку интеркома. Элис представила, как домофон наверху надрывается, стараясь докричаться до хозяина сквозь пьяный гул.

В ожидании, пока им откроют, Рокси проверила телефон.

- Боб задерживается. Пишет, застрял на совещании.
- Значит, у него бывают совещания, – заметила Элис.

Еще один факт о нем.

- Точно! Хотя он написал буквально следующее: «Совещание затягивается». Это может означать все что угодно. Я

тысячу раз отговаривалась тем, что совещание затягивается, хотя никакого совещания и в помине не было. Например, если на самом деле я была у доктора, долго принимала душ, меня задержала полиция... в общем, в тех случаях, когда мне не хотелось говорить правду.

В заляпанном окне входной двери показался слоноподобный мужчина. Рокси и Элис переглянулись, оценив его габариты.

– Вы на вечеринку Викрама? – Голос у мужчины был тихий и мягкий, как папиросная бумага.

– Точно, – подтвердила Рокси.

Великан взглянул на повязки у нее на лице, начавшие отклеиваться на влажном воздухе, но ничего не сказал.

– Третий этаж, – произнес он и вышел на улицу. Элис и Рокси прошмыгнули внутрь.

Преодолев три крутых лестничных пролета, они оказались в трехкомнатной квартире, до отказа забитой гостями. Люди сидели на подоконниках, журнальных столиках, кухонной столешнице и даже на пожарной лестнице за окном. Рокси сразу принялась искать туалет, чтобы поправить повязки, а Элис осталась на запущенной кухне, заполненной сорокалетними хозяевами и гостями. Что она здесь делает? Как получилось, что зыбкая возможность провести замечательный вечер в гостях перевесила реальную возможность провести хороший вечер дома? Ладно, не хороший, а нормальный. Но она могла бы как следует позаниматься, а потом

как следует выспаться, – учитывая нынешний ритм жизни, это было бы прекрасным достижением. Элис невольно потянулась к телефону, надеясь укрыться от шумного гомона чьих-то коллег, однако сдержалась. Что-то заставило сдержаться. Разговор с Бобом во время их свидания? *Не свидания, а ужина.* Или мысль о том, что Боб может появиться в любой момент? Не хотелось, чтобы он застал Элис уткнувшейся в телефон, – Боб, который переспал с ее соседкой по дому и собирается прийти сюда, чтобы сделать это еще раз. Надо было остаться дома и готовиться к тесту. *Пора заниматься.*

Элис немного поговорила с хозяином вечеринки. Викрам праздновал повышение. Он работал в сфере развлечений. На вопрос, какого рода развлечения, последовал ответ: «Профессиональный рестлинг». Только тогда Элис заметила, что многие из гостей выделяются внушительными габаритами. Викрам, извинившись, отошел, а Элис, обладательница черного пояса по светским беседам, повернулась к двухметровому мужчине рядом с ней и спросила:

– Вы рестлер?

Тот с извиняющейся улыбкой указал на находящийся у него за ухом слуховой аппарат, предложив повторить вопрос.

– Вы – рестлер? – прокричала Элис.

– Да, рестлер, – ответил мужчина.

Он говорил с характерными для глухих мягкими соглас-

ными. Элис поняла, что угодила в зыбучие пески. Ей не хотелось общаться с парнем, ей вообще ни с кем не хотелось общаться, только это же не объяснишь другому человеку. После судорожных потуг подыскать подходящую реплику наша бесстрашная собеседница выдала следующий вопрос:

– И, типа, у вас есть, ну, типа, свой персонаж?

Пришлось сделать несколько попыток, чтобы ее слова проникли сквозь слуховой аппарат, – будто бросок шайбы в крошечную цель. Элис изнемогала от желания поскорее проверить почту, а лучше вернуться домой и позаниматься, но не сдавалась. Наконец ее собеседник понял, о чем она спрашивает, кивнул и произнес слово, которое Элис разобрала как «Сайрус».

– Сайрус. Это ваше имя или псевдоним? Кстати, я Элис.

Он пожал руку и поправил Элис: не Сайрус. Из-за громкой музыки девушка слышала нечто среднее между «Сайрус» и «Сирена». Сирена – еще более бессмысленно, чем Сайрус. Может, он выходит на ринг в образе санитара? Двухметровый санитар. А когда забирается на ограждение, чтобы завершить выступление, раздается вой сирен. Элис не могла назвать себя фанаткой рестлинга, но предположила, что в этом что-то есть. Она поделилась своими изысканиями с Сиреной, однако ее отчаянный монолог можно было назвать светской беседой лишь с очень большой натяжкой.

«Как нам обоим повезло, – подумала Элис, – что он, скорее всего, ничего не понимает».

«Как нам обоим не повезло, – подумал он, – что я все понимаю».

Толпа расступилась, и Элис увидела Боба. Тот стоял в коридоре с растерянным видом человека, который пришел на вечеринку и ищет кого-то конкретного. Элис понимала – он ищет Рокси, и даже не осмеливалась думать иначе, чтобы не расстраиваться, однако их взгляды встретились, и она тут же осознала, что находится здесь ради него, а он – ради нее. Но тут из туалета вышла Рокси, они с Бобом поцеловались, и... *ладно, проехали.*

Рокси привела Боба на кухню.

– Смотри, кого я нашла.

Элис изобразила на лице оживление.

– Привет, Боб!

– Привет, – отозвался тот и удивленно воскликнул: – Бог ты мой, это что, Сайленс?²¹

Он указал на двухметрового собеседника Элис, который, на ее счастье, уже общался с другой девушкой.

– Сайленс, – повторила Элис. – А я думала, его зовут Сирена.

– Он офигенный. Его фишка в том, что он борется в полной тишине. Ни музыки, ни концеранса, в зале – безмолвие. Это заранее согласовывается – если идешь смотреть бой с участием Сайленса, нельзя издавать ни звука. Слышен только скрип борцовок, пыхтение бойцов, звук тел, падающих на

---

²¹ Сайленс (Silence) – безмолвие (англ.).

маты, и все. – Боб посмотрел на Элис чуть более пристально, чем полагается. – Ах да, забыл! У тебя получилось?

– Что именно?

– Зарегистрироваться на MCAT?

Элис невольно расплылась в улыбке.

– Да, получилось.

– Круто! – Боб обнял ее. Она обняла его в ответ, не замечая, что Рокси стоит рядом, ища повода вклиниться в разговор.

– Да, мы очень ей гордимся, – сказала Рокси. – У нее даже учебник есть.

– Верно, – добавила Элис, – и все это благодаря тебе.

– Что? Мне?

– Ну отчасти.

– Да ладно, это твоя заслуга. Процентов на шестьдесят, – ответил Боб. А потом добавил: – В туалет нет очереди! До встречи! – И исчез за дверью. Девушки рассмеялись.

– Все благодаря Бобу? – переспросила Рокси.

– Да. – Элис поняла, что отпираться бесполезно. – Совершенно забыла: он написал мне в тот же вечер – типа, чтобы поддержать.

– Значит, он есть в фейсбуке, – с озадаченным видом уточнила Рокси.

– Я так поняла, он зарегистрировался, чтобы мне написать.

– Ни фиги себе! Как-то странно.

– Пожалуй.

– И ты утаила это от меня! – Рокси метнула на Элис гневный взгляд из-под повязок.

– Не утаила! Просто забыла упомянуть.

– Во сколько он тебе написал?

– Не помню. Часов в одиннадцать. – Запрос в друзья пришел в одиннадцать часов двадцать две минуты.

Рокси помрачнела.

– Надо же. В это время мы были... в буквальном смысле в одной постели. – Она предпочла не вдаваться в подробности. – Значит, вы в друзьях в фейсбуке. Есть у него там что-нибудь интересное?

– Вообще ничего нет, даже фотографии. Как я сказала, он завел аккаунт, только чтобы мне написать. – Элис понимала, что ее слова звучат неправдоподобно, но... *черт, я вообще не хотела идти на эту вечеринку.* Рокси отхлебнула из бокала и приняла самый веселый и непринужденный вид, на какой была способна.

– Слушай, Элис, – сказала она, заглядывая ей в глаза, – если ты хочешь встречаться с Бобом, я не то чтобы на него запала. У меня и другие варианты имеются. Так что я не против.

Элис не знала, что ответить. Первая мысль: ей и правда хочется встречаться с Бобом. После Карлоса у нее никого не было, а Боб добрый, красивый и сумел рассмешить. Вторая мысль: не хочется встречаться с Бобом. Это лето посвящено

подготовке к тесту, а Боб будет отвлекать. Третья мысль: все-таки хочется с ним встречаться. Мысли приходили размеренно, одна за другой, каждая влекла за собой следующую, как костяшки домино в замедленной съемке. Прежде чем Элис сумела сформулировать ответ, который ей хватит мужества произнести вслух, Рокси потрясенно проговорила:

– Господи, ты сейчас серьезно раздумываешь над этим?

– Что?

– Ты реально собираешься встречаться с моим парнем? Какая ты подруга после этого? – Рокси не шутила. Она злилась. Люди начали оборачиваться.

Элис тоже разозлилась. Не на то, что ее называли плохой подругой. Она вообще не подписывалась дружить с Рокси. Ее воротило от таких, как Рокси. Неконтролируемых. Не признающих правил. Позволяющих себе громко выражать гнев. Элис, в силу своего характера, постоянно держала себя в руках. К тому же в обществе так принято. А эта женщина не стесняется закатывать скандалы перед друзьями соседа коллеги. Это нечестно.

– Я привела тебя сюда в качестве своей гостьи, – продолжила Рокси.

И тут Элис прорвало.

– Ты притащила меня сюда, – возразила она. – Я не хотела идти. Я говорила, мне нужно заниматься.

– Ага, как же! Заниматься! – Рокси хотела добавить что-нибудь едкое, например, что занятия – это лицемерие и пол-

ная ерунда, но упустила нужный момент, смешалась и замолчала. В эту секунду из ванной вышел Боб, вытирая руки о джинсы.

– Там не помешает свежее полотенце, – весело сказал он, не ведая, какие страсти разгораются вокруг его персоны. Рокси растянула лицо в широченной улыбке. Белый пластырь отклеился, явив удручающую картину. Попытка прилепить все на место не увенчалась успехом.

– Извините, – пробормотала Рокси и направилась в сторону ванной.

На сей раз она оказалась в очереди за своим коллегой Кервисом, и тот немедленно принялся с ней болтать. Как он впоследствии подчеркнет в длинной переписке чата «Рай для пикаперов», он планировал применить к ней шесть техник соблазнения, но «она слишком набухалась, ЛОЛ», хотя на самом деле Рокси вовсе не набухалась, просто думала о другом. Едва Кервис изготовился применить на практике технику номер четыре «Кинестетика: первый контакт» и коснуться руки Рокси, дверь ванной отворилась. К ним тут же подбежала Элис и втолкнула Рокси в ванную, мимо Кервиса.

Девушки оказались в тесной ванной комнате, принадлежащей двум молодым мужчинам: все поверхности в ней были заляпаны засохшей зубной пастой и пеной для бритья, а полотенце не стирали минимум с начала года. Рокси все еще немного злилась, но ей тут же стало ясно – произошло что-то из ряда вон выходящее. Прежде чем она успела спросить,

что именно, Элис выпалила:

– Боб.

– Что – Боб? – Стараясь сохранять беспечный вид, Рокси достала из сумочки тощий рулончик пластыря и принялась обклеивать лицо.

– Мы разговаривали, и я похвалила его кожу. – Рокси сердито взглянула на Элис в зеркало. – Это правда! У него отличная кожа!

– Да уж, что есть, то есть. – Действительно, Боб мог похвастаться прекрасным цветом лица.

– В общем, я ему – у тебя классная кожа, он мне – спасибо, а я – не могу поверить, что тебе сорок.

– Значит, ему все-таки не сорок? – воскликнула Рокси. – Я знала! Он говорил, что впервые на «Флиртариуме». Не может такого быть: сорокалетний мужик – и ни разу не заходил на «Флиртариум»!

Элис засмеялась.

– погоди, я к тому и веду. Короче, мы поболтали, пофлиртовали, посмеялись. – Рокси это явно не понравилось, но Элис уже выпила пару бокалов и не заметила ее раздражения. – В конце концов я сказала: «Докажи. Докажи, что тебе сорок». И он достал... водительские права.

Рокси ахнула.

– Так вот, – произнесла Элис. – Его зовут не Роберт Смит...

– Что?

– ...а Боберт Смит.

– Не может быть! – воскликнула Рокси и тут же переспросила: – Боберт?

– Боберт Смит. Я уточнила. Он говорит, опечатка в свидетельстве о рождении.

Рокси зависла на пару секунд, переваривая услышанное.

– Значит, его зовут Боберт Смит.

– Ага.

Предвосхищая реплику Рокси: «Надо загуглить Боберта Смита», Элис протянула ей телефон со списком результатов по запросу «Боберт Смит». Первые два не представляли интереса, зато третий, пост в блоге, сразу привлекал внимание. Заголовок гласил: «НЕ ВСТРЕЧАЙТЕСЬ С БОБЕРТОМ СМИТОМ!!!!!!!!!!!!!!»

Рокси взглянула на экран, на Элис, снова на экран.

– Что это?

– Не знаю. Я еще не кликала. Решила, надо посмотреть вместе.

Рокси была тронута. Она осторожно протянула руку, навела дрожащий палец на строчку «НЕ ВСТРЕЧАЙТЕСЬ С БОБЕРТОМ СМИТОМ!!!!!!!!!!!!!!», подчеркнутую девственно-голубой линией, и коснулась ссылки. Линия стала фиолетовой, страница с результатами поиска исчезла и...

НЕ ВСТРЕЧАЙТЕСЬ С БОБЕРТОМ СМИТОМ!!!!!!!!!!!!!!

ПРИВЕТ, ДАМЫ. ЭТОТ ПОСТ БУДЕТ ОТЛИЧАТЬСЯ ОТ ДРУГИХ ПО НЕСКОЛЬКИМ ПРИЧИНАМ. ВО-ПЕР-

ВЫХ, ОН ВЕСЬ НАПИСАН КАПСЛОКОМ: Я СОБИРАЮСЬ РАССКАЗАТЬ ВАМ ИСТОРИЮ, ОТ КОТОРОЙ МЕНЯ ОХРЕНЕННО БОМБИТ, ТАК ЧТО БУДУ ПИСАТЬ БОЛЬШИМИ БУКВАМИ. НА СЛЕДУЮЩЕЙ НЕДЕЛЕ Я ВЕРНУСЬ К МОЕМУ ОБЫЧНОМУ КОНТЕНТУ, НО ПРЯМО СЕЙЧАС МЕНЯ РАЗРЫВАЕТ ОТ ГНЕВА. Я ПОЛУЧИЛА ОТ ВАС СТОЛЬКО ПОДДЕРЖКИ, КОГДА СТАЛА ПУБЛИКОВАТЬ ЛИЧНЫЕ ПОСТЫ. ЗНАЮ – ВАМ МОЖНО ДОВЕРИТЬ МОИ ПЕРЕЖИВАНИЯ. КРОМЕ ТОГО, Я ВАС ВСЕХ ЛЮБЛЮ И НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ С ВАМИ СЛУЧИЛОСЬ ЧТО-НИБУДЬ ПЛОХОЕ, ПОЭТОМУ ГОВОРЮ НА ПОЛНОМ СЕРЬЕЗЕ: НЕ ВСТРЕЧАЙТЕСЬ С БОБЕРТОМ СМИТОМ.

– Ни фиги себе, – протянула Рокси. – Эта девчонка прямо-таки в ярости.

– Ага, – согласилась Элис.

– Правда, писать капслоком как-то стремно. Может, она чокнутая.

– Давай почитаем.

Я ПОЗНАКОМИЛАСЬ С БОБЕРТОМ СМИТОМ ОСЕНЬЮ ДВЕ ТЫСЯЧИ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО НА «ФЛИРТАРИУМЕ».

– погоди-ка, – сказала Рокси. – Что-то я не догоняю. Боб познакомился с ней на «Флиртариуме» прошлой осенью?

– Выходит, так.

Рокси вскинула руки и сделала три крошечных круга по

ванной комнате.

– Он сказал, что зарегистрировался на прошлой неделе, а я – первая девушка, с кем он познакомился. Я сразу заподозрила, что он врет. В ту же секунду.

ПОТОМ МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ В РЕСТОРАНЕ «КАШТАНОВЫЙ СКУНС».

У Рокси чуть пластыри не отклеились.

– Он и со мной там встретился! Точнее, с нами!

ОН ПРИГЛАСИЛ МЕНЯ ПОУЖИНАТЬ, И Я РЕШИЛА, ЧТО ЭТО КАК-ТО СТРАННО...

– Действительно странно! – фыркнула Рокси.

...НО МИЛО И НЕМНОГО СТАРОМОДНО.

«Действительно мило», – подумала Элис.

В ОБЩЕМ, МЫ ПОУЖИНАЛИ. БЫЛО КРУТО. ОН ПОКАЗАЛСЯ МНЕ ОЧЕНЬ СИМПАТИЧНЫМ. ОН СПРОСИЛ МЕНЯ О КАРЬЕРЕ (ТОЧНЕЕ, ЕЕ ОТСУТСТВИИ) И ДАЛ СОВЕТ, КОТОРЫЙ МЕНЯ ОЧЕНЬ ПОДБОДРИЛ.

– Да эта девчонка – полный отстой, – сказала Рокси. Элис вспомнила лицо Боба в свете свечи. Каким внимательным и участливым он тогда казался!

ОТЛИЧНЫЙ ВЕЧЕР, НЕ ПРАВДА ЛИ? НАБЕРИТЕСЬ ТЕРПЕНИЯ, ДАМЫ. ПОТОМ МЫ ПОШЛИ КО МНЕ.

– Ага, понятно, – с усмешкой протянула Рокси, будто речь шла о телешоу и один из его участников не ожидает за дверью ванной, недоумевая, куда запропастились его девушка с подружкой.

КАК ВАМ ИЗВЕСТНО, ДЛЯ МЕНЯ НЕПРОСТО ПРИВЕСТИ К СЕБЕ ПОСТОРОННЕГО ЧЕЛОВЕКА. ВЕСЬМА НЕПРОСТО. НО ОН ПОКАЗАЛСЯ МИЛЫМ. У НЕГО ПРИКОЛЬНЫЕ ЯМОЧКИ НА ЩЕКАХ, ОН ВЕСЕЛЫЙ, ГАЛАНТНЫЙ И ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ. ВОТ Я И ПРИГЛАСИЛА ЕГО К СЕБЕ ПОСМОТРЕТЬ ПОЕЗДА.

– Чего-чего? – переспросила Рокси.

МНОГИЕ ИЗ ВАС В КУРСЕ, ЭТА КОЛЛЕКЦИЯ – ДЕЛО ВСЕЙ МОЕЙ ЖИЗНИ. Я НЕ СТАЛА БЫ ПОКАЗЫВАТЬ ПОЕЗДА КАКОМУ-НИБУДЬ ЗАДРОТУ. А ПОСКОЛЬКУ ОНА ЗАНИМАЕТ ПОЛКВАРТИРЫ, ЕЕ НЕ ВОЗЬМЕШЬ С СОБОЙ НА СВИДАНИЕ.

Рокси прищурилась.

– Что это за сайт?

Прокрутив страницу до самого верха, Элис обнаружила заголовок: «Блог Одри: приключения любительницы игрушечных паровозиков в Нью-Йорке». С фотографии улыбалась симпатичная худенькая девушка в красном шейном платке и фуражке машиниста. Бедная Одри. На снимке она выглядела по-настоящему счастливой. Видимо, ей действительно очень нравились поезда.

– Слушай, мне становится жаль Боба, – сказала Рокси. – Девчонка реально чокнутая.

– Мой брат много лет собирал модели поездов, – ответила Элис. – Люди правда ими увлекаются.

Рокси хотела сказать что-нибудь едкое, но передумала, по-

том снова передумала.

– Твой брат типа суперзвезда.

«Билл стоит сто миллионов долларов», – хотела ответить Элис, но передумала. Она не знала точно, сколько он стоит, а сам он никогда не скажет.

ПАРОВОЗИКИ – МОИ ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ С САМОГО ДЕТСТВА, ПОЭТОМУ МНЕ НЕПРОСТО ПОДЕЛИТЬСЯ СВОИМ УВЛЕЧЕНИЕМ С ПАРНЕМ, С КОТОРЫМ МЫ ТОЛЬКО ЧТО ПОЗНАКОМИЛИСЬ. НО ОН КАЗАЛСЯ ТАКИМ МИЛЫМ. КОГДА ОН СПРОСИЛ, МОЖНО ЛИ ЕМУ ПОДНЯТЬСЯ КО МНЕ И ПОСМОТРЕТЬ КОЛЛЕКЦИЮ, Я НЕ СМОГЛА ОТКАЗАТЬ. В ОБЩЕМ, Я ПРИГЛАСИЛА ЕГО К СЕБЕ.

ЭТО БЫЛА БОЛЬШАЯ ОШИБКА.

В дверь постучали.

– Минутку! – крикнула Рокси.

Элис снова подумала о Бобе: он ждет снаружи, не подозревая, что они заперлись в туалете и читают историю любительницы паровозиков, которая обещает оказаться весьма нелицеприятной. Ей даже стало его жалко. Впрочем, вполне вероятно, мнение о нем вскоре изменится.

ВОТ ТУТ-ТО ВСЕ И ПОШЛО НАПЕРЕКОСЯК. У МЕНЯ В МОРОЗИЛКЕ ЛЕЖАЛА НЕПОЧАТАЯ БУТЫЛКА ВОДКИ. МЫ ВЫПИЛИ, НЕМНОГО РАССЛАБИЛИСЬ, А ПОТОМ ДЕЛО ЗАШЛО ДАЛЬШЕ, НО НЕ НАСТОЛЬКО ДАЛЕКО, ЕСЛИ ВЫ ПОНИМАЕТЕ, О ЧЕМ Я. КОРОЧЕ,

МЫ ОКАЗАЛИСЬ В ПОСТЕЛИ И УСНУЛИ. В ЧЕТЫРЕ УТРА Я ПРОСНУЛАСЬ ОТ ЗВУКА ШАГОВ. ДАМЫ, ВЫ НЕ ПОВЕРИТЕ...

(Кто эти «дамы»? Толпа молодых женщин, сходящих с ума по игрушечным паровозикам? Или только Элис и Рокси? Может, это послание в бутылке, а Элис и Рокси – первые и единственные пляжники, наткнувшиеся на него? Или текст написан именно для них? К посту не было ни одного коммента. Элис пожалела любительницу паровозиков и испытала благодарность за честь примкнуть к немногочисленной аудитории, которой та решила поведать свои откровения).

...ЧТО Я УВИДЕЛА. БОБ, АБСОЛЮТНО ГОЛЫЙ, ЕСЛИ НЕ СЧИТАТЬ ЗДОРОВЕННЫХ КОЖАНЫХ БОТИНОК (ВЕСЬ ВЕЧЕР ЛИЛО КАК ИЗ ВЕДРА), СТОЯЛ НА МОЕЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ И ПИЛ МОЮ ВОДКУ ПРЯМО ИЗ ГОРЛЫШКА. БУТЫЛКА БЫЛА ПОЧТИ ПУСТА. Я ЕМУ: «БОБ, ТЫ ЧТО ДЕЛАЕШЬ?» ОН ЗАРЫЧАЛ, КАК ГОДЗИЛЛА, А ПОТОМ – ДАМЫ, ПРЕДУПРЕЖДАЮ, ДАЛЬШЕ БУДЕТ ЖЕСТЬ, – НАЧАЛ ТОПТАТЬСЯ ПО ЗДАНИЯМ И ПОЛНОСТЬЮ УНИЧТОЖИЛ БЫСТРЫЙ РУЧЕЙ.

(Быстрый Ручей – городок на Диком Западе, центральная точка, вокруг которой строилась железная дорога Одри. Его подробнейшее описание с фотографиями было опубликовано в тридцати семи предыдущих постах и шести следующих,

посвященных чудесному восстановлению Быстрого Ручья из руин. Счастлив сообщить, что после трех месяцев кропотливой работы город стал еще более живописным и очаровательным и даже приобрел пару современных штрихов, таких как общественный бассейн и автомобильный кинотеатр.)

БАХ – САЛУНА НЕТ! БАХ – ПОЧТЫ КАК НЕ БЫВАЛО! БАХ – ОПЕРНЫЙ ТЕАТР ВДРЕБЕЗГИ! НАСТОЯЩИЙ КОШМАР. Я НЕ МОГЛА ПОНЯТЬ, ЗАЧЕМ ОН ЭТО ДЕЛАЕТ. ПОСЛЕ ТОГО КАК БОБ ВСЕ РАСТОПТАЛ, НАСТУПИЛ ФИНАЛ-АПОФЕОЗ: ОН ПРИНЯЛСЯ ПИСАТЬ НА МОЮ ЖЕЛЕЗНУЮ ДОРОГУ.

– Это какой-то другой Боберт, – проговорила Элис.

ПРЯМО У МЕНЯ НА ГЛАЗАХ ДОСТАЛ ДОВОЛЬНО ДЛИННЫЙ, НО ДОВОЛЬНО ТОНКИЙ, НЕОБРЕЗАННЫЙ...

– Точно он, – ахнула Рокси.

...ПРИЧИНДАЛ И СТАЛ ПОЛИВАТЬ, КАК ИЗ БРАНДСПОЙТА. СТОЯЛ ПЕРЕДО МНОЙ, ССАЛ И СМЕЯЛСЯ. Я ЛИХОРАДОЧНО РАЗМЫШЛЯЛА, ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ. ЗАКРИЧАТЬ? ВЫЗВАТЬ ПОЛИЦИЮ? СБЕГАТЬ НА КУХНЮ ЗА НОЖОМ? В ОБЩЕМ, ДАМЫ, В ЭТОЙ КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ Я ПРИНЯЛА НАИЛУЧШЕЕ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ РЕШЕНИЙ. ПОМНИТЕ ПУЛЬТ ДИСТАНЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ, КОТОРЫЙ Я УСТАНОВИЛА ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ?

Далее следовала ссылка на предыдущий пост об установ-

ке пульта дистанционного управления, позволяющего Одри включать и выключать железную дорогу, не вставая с постели.

Я СХВАТИЛА ЕГО С ТУМБОЧКИ И ВКЛЮЧИЛА ЖЕЛЕЗНУЮ ДОРОГУ. ШЕСТНАДЦАТЬ ВОЛЬТ ПОБЕЖАЛИ ПО РЕЛЬСАМ, ПО ЖЕЛТОЙ СТРУЕ И ПО СТРУЧКУ В КОЖАНОМ ФУТЛЯРЕ, КОТОРЫЙ ОН ТАК ХОТЕЛ ЗАСУНУТЬ МНЕ В РОТ.

Рокси и Элис ахнули от изумления.

– Так, – сказала Рокси, – эта девчонка начинает мне нравиться.

КОРОЧЕ, ДАМЫ, ОН ВЗЛЕТЕЛ В ВОЗДУХ, СВАЛИЛСЯ СО СТОЛА, ГДЕ СТОИТ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА, И ВРЕЗАЛСЯ В ВЕРСТАК. КОГДА ОН ПОДНЯЛСЯ, К НЕМУ ПРИКЛЕИЛИСЬ ДЕРЕВЬЯ И ЧЕРЕПИЦА. НАВЕРНОЕ, ОТ УДАРА ТОКОМ ОН СРАЗУ ПРОТРЕЗВЕЛ, ПОТОМУ ЧТО В СЛЕДУЮЩИЙ МИГ МОЛЧА ОДЕЛСЯ И ВЫБЕЖАЛ ИЗ КВАРТИРЫ, ОСТАВИВ РАЗВАЛИНЫ ГОРОДА, В КОТОРЫЙ Я ВЛОЖИЛА СТОЛЬКО ТРУДА. ТАК ЕМУ И НАДО, ЧТО ЕГО ДЕРНУЛО ТОКОМ. ЭТО И ПРАВДА БЫЛО ВЕСЕЛО. Я УЖАСНО ЗЛИЛАСЬ, КОГДА НАЧИНАЛА ПИСАТЬ ТЕКСТ, НО СЕЙЧАС МНЕ ГОРАЗДО ЛЕГЧЕ. КОРОЧЕ, ДЖЕНТЛЬМЕНЫ, СПЕРВА ПОДУМАЙТЕ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ССАТЬ НА ЖЕЛЕЗНУЮ ДОРОГУ, А ВЫ, ДАМЫ, ЗНАЙТЕ – ЕГО ЗОВУТ БОБЕРТ СМИТ. НИКОГДА НЕ ХОДИТЕ С НИМ НА СВИДА-

НИЕ!!!

Рокси и Элис молча переваривали прочитанное.

– Ни фиги себе.

В дверь снова громко постучали.

Усилием воли Элис заставила себя вернуться к реальности.

– Пожалуй, нам пора выбираться отсюда, – сказала она. Впрочем, ее вовсе не радовала мысль о том, чтобы встретиться с Бобом, ожидающим за дверью. Рокси не обратила на стук никакого внимания.

– У нее четыреста подписчиков в твиттере, – пробормотала она, лихорадочно листая страницу. – Целых четыре сотни человек, которые тащатся от... Ой!

– Что?

Рокси показала Элис телефон. Сообщение от Боба: «У вас там все в порядке?» Прежде чем Элис успела отреагировать, Рокси уже написала ответ.

– Отлично. А у тебя там все в порядке?

– Да, – ответил он. – Правда, собралась большая очередь, а так нормально.

– Точно, Боб? У тебя точно все нормально?

На экране появились точки, но прежде чем они успели смениться сообщением, Рокси скопировала ссылку на пост Одри и отправила.

Точки исчезли. Элис перевела взгляд на стену ванной, где над грязным полотенцем кто-то написал черным маркером:

«ОН БЛИЗКО. ОТОЙДЕМТЕ, ГОСУДАРЬ»²². Вероятно, какая-то шутка, известная лишь Викраму и его соседу по квартире, но в этот момент она пришлась к месту: да, отойдемте. Ванная внезапно показалась ужасно тесной. Элис не терпелось поскорее вырваться на свободу. Только куда? С одной стороны, ей хотелось поговорить с Бобом и выслушать его версию событий. Однако внутренний голос подсказывал, что это плохая идея. Элис осталась в ванной, Рокси тоже. Они сидели на бортике ванны одну, две, три, целых семь минут. Боб так и не ответил. С каждой секундой Элис все больше укреплялась в мысли, что ответа не будет. Она не ошиблась. Этот разговор завершился; постепенно он затеряется на странице сообщений, в десяти или пятнадцати свайпах вниз, сплюснутый и затертый еще не начавшимися беседами с людьми, еще не появившимися в жизни Рокси.

Элис и Рокси покинули ванную комнату ровно через восемнадцать минут с тех пор, как зашли туда, к вящему облегчению Кервиса, которому уже очень сильно хотелось писать. На кухне Боба не оказалось. На столе стоял недопитый виски с содовой.

Они спросили у Сайленса, и тот подтвердил: Боб ушел.

---

²² Уильям Шекспир. Гамлет. Акт III, сцена 1 (пер. Б. Пастернака).

– Квартира 14Е. Он уже там, – сказал швейцар (именно такой, каким, по мнению Питтипэт, полагается быть образцовому швейцару). Деловитый и подтянутый, с военной выправкой, при эполетах. Швейцары в доме 404 – славные ребята, правда, малость расхлябанные. У них тоже униформа, только не такая, как у этого, – с медными пуговицами и красным кантом. Взгляд бравого молодого человека в изумительной униформе был спокоен и доброжелателен, словно говорил: «Чувствуйте себя как дома», однако твердый подбородок и мощная грудь предупреждали: «Но ведите себя прилично».

Заходя в старинный, идеально отреставрированный лифт, Питтипэт мысленно уже купила эту квартиру и предалась мечтам о том, как приносит ребенка сюда, в их новый дом. Вот она заходит в фойе, рядом – Билл, целиком и полностью сосредоточенный на любимой жене и новорожденном малыше. Этот самый швейцар помогает им занести коляску в лифт, нажимает кнопку и в течение долгих лет наблюдает, как малыш растет.

Лифт медленно полз на тринадцатый этаж. Питтипэт коротала время, уткнувшись в телефон.

Чип Коллинз из «Рок Пропертиз». Какие у него голубые глаза. Они и правда такого цвета или это фотошоп? Интересно, в «Фэрроу энд Болл»²³ могут смешать точно такой же

---

²³ «Фэрроу энд Болл» (Farrow&Ball) – британский производитель красок и обо-

оттенков? Он бы прекрасно смотрелся в прихожей.

В животе заурчало. «Не сейчас», – сказала ему Питтипэт.

Двери открылись, и она оказалась на индивидуальной лифтовой площадке. Вот это да! У кого из знакомых есть собственный лифт? Ни у кого. Придется завести новых друзей, которые понимают, что это означает.

На лакированной зеленой двери висел латунный молоток в виде кролика. Питтипэт постучала. В кишечнике опять раздалось какое-то шевеление. «Тихо», – приказала она.

Дверь отворилась. Сперва показалась рука Чипа – сильная, мужественная, с большими часами на запястье, затем появился и он сам – плотный, мускулистый, в строгом пиджаке, но без галстука. А глаза – такие же завораживающе голубые, как на фотографии. На мгновение Питтипэт перенеслась на пять лет назад, когда еще была свободна, работала в галерее, и каждое красивое мужское лицо сулило новую жизнь. Только сейчас она осознала, как сильно злится на Билла за его отсутствие. Этим летом внимание мужа опять будет посвящено очередному увлечению. Мысль о том, что ей предстоит оказаться наедине с красивым мужчиной, обрушилась, словно волна на мол.

Последнее, о чем успела подумать Питтипэт перед тем, как вечер пошел наперекосяк: она может наказать Билла. Она все еще красива. Ей не составит труда соблазнить этого Чипа.

– Миссис Квик, наконец-то мы встретились, – проворковал Чип Коллинз, голубой риелтор. – Добро пожаловать в ваш новый дом. – И он повел клиентку в самую убогую квартиру на Пятой авеню.

Чип сразу понял, что миссис Квик готова развернуться и уйти, но не хочет показаться грубой. Во время экскурсии по квартире в каждом ее «надо же» и «так-так, посмотрим» звучало разочарование. В довершение всего кондиционер не работал. Чип сделал вид, будто не замечает пятен пота, проступивших на платье потенциальной покупательницы.

Посреди нелепой напыщенной речи, в которой Чип рекламировал морально устаревший холодильник в качестве «последнего слова техники», миссис Квик поинтересовалась, можно ли воспользоваться туалетом. Он отвел ее в уборную – ту самую, с обоями в китайском стиле, которые роскошно смотрелись на фотографии, а вживую выглядели пошло и безвкусно.

Как только Питтипэт закрыла за собой дверь, стараясь с максимальной осторожностью обращаться с отваливающейся старинной дверной ручкой, Чип принялся писать своему бойфренду длинное сумбурное сообщение – дескать, он предупреждал хозяев, что не стоит взвинчивать цену, и сейчас происходит именно то, о чем он им сто раз говорил. Риелтор не слышал, как звякнула щеколда.

– И что, ты ничего такого в нем не заметила?

– Нет! – заявила Элис, стараясь держать кофейную кружку ровно, пока Рокси наливает. Они стащили с кухни бутылку вина и уютно устроились на диване в гостиной. Вокруг них набирала обороты импровизированная дискотека. – Мне он показался милым.

– Ага, конечно, – усмехнулась Рокси. – Я-то сразу его раскусила. Разве нормальный сорокалетний мужик будет встречаться с двадцатисемилетними? – (Напомню, на самом деле ей тридцать четыре.) – С ним точно что-то не так. Люди как молоко: с виду ничего, а попробуешь – скисло.

– Наверное...

Рокси поняла, что Элис с ней не согласна.

– Если хочешь его найти – пожалуйста.

– Не хочу.

– Нет ничего страшного в том, что он тебе понравился.

– Да, понравился. Я не собираюсь с ним встречаться, но он показался приятным парнем. Даже немного жаль его.

– Ох.

– Знаю. И мне жаль, что мне его жаль.

– Два раза ох, – сказала Рокси. – Однако если эта история не кажется тебе офигенно смешной, я за тебя волнуюсь.

– История, конечно, офигенно смешная, но Боб – живой человек. Теперь эта байка висит в интернете, и каждый, кто загууглит его имя, сразу же о ней узнает.

– Да ладно тебе. – Рокси оторвалась от телефона. Элис впервые заметила, какие у нее зеленые искрящиеся глаза, особенно из-под пластырей. – Послушай, это все не взаправду. Боб – не настоящий. Девушка с паровозиками – не настоящая. Железная дорога – не настоящая.

– Ну... – Элис даже немного растерялась. – Есть же что-то настоящее. Я – настоящая. И ты тоже.

– Конечно, мы настоящие. Сайленс настоящий. Вон те танцующие девчонки – настоящие. Все, что ты видишь перед собой, – настоящее. А то, что в телефоне, – нет.

Элис задумалась.

– Я имела в виду...

– Уж поверь мне. Начнешь думать иначе – точно сбрендишь. Люди почему-то парятся насчет «безопасности данных в интернете». – (Рокси произнесла эти слова с насмешливой серьезностью, тоном пожилого банкира за большим письменным столом.) – Сама подумай: в этом самом интернете столько данных! Ты же не говоришь: «Надеюсь, никто не украдет драгоценную песчинку, которую я обронила на пляже». По сравнению с бескрайней вселенной твои данные ничтожно малы, их практически не существует. Все, что находится в интернете, – не реально.

– Номер моей кредитной карты сохранен в нескольких ме-

стах, она для меня вполне реальна.

– Тоже мне дело, – отмахнулась Рокси. – Если карту украдут, ты ее аннулируешь и заведешь новую.

– В целом ход твоей мысли мне нравится, – ответила Элис, – но если вникнуть в детали, аргументы не выдерживают критики.

– Еще как выдерживают! Все просто: реально лишь то, что существует в реальности. Когда Боб находился здесь – он был реален. Мы его видели, слышали и даже пробовали на вкус. – Рокси подмигнула. – Но когда он ушел, то перестал быть реальным. Теперь он ненастоящий. Знаешь, как у маленьких детей – если игрушка пропала из поля зрения, она исчезла навсегда, и они полностью о ней забывают. Только с возрастом до них доходит, что вещи продолжают существовать, даже если их не видно.

– Постоянство объектов.

– Ага, постоянство объектов. Однако нам это не подходит. Так делать не надо. Нужно мыслить как дети.

– Вряд ли у нас есть выбор.

– При чем тут выбор? Дело в нашей природе. Мы – пещерные люди. Мозг может запомнить максимум двадцать-тридцать человек. Сколько у тебя друзей в фейсбуке? У меня – три тысячи двести одиннадцать. Что, если я начну тратить душевные силы на каждого и считать их надежды, мечты и поступки такими же реальными, как мои? Да у меня мозг взорвется!

Элис вспомнила собственный пост трехлетней давности в фейсбуке и полученные лайки. Все это казалось ей более чем реальным. «Я написала его, чтобы не дать себе возможности отступить, – подумала она тогда. – Я объявила о своем намерении во всеуслышание, и мои друзья меня поддержали». Вряд ли кто-то помнит этот пост. Чтобы его найти, нужно очень долго листать ленту.

– Знаешь, – заметила Элис, – для человека, который не считает интернет реальным, ты проводишь в нем довольно много времени.

– Ну да, – ответила Рокси. – Кому охота жить в реальности?

Они чокнулись красными кофейными кружками. Вокруг них гремела дискотека. Тела, возвышающиеся над диваном, казались исполинскими, их движения – резкими, судорожными. Элис собралась отлучиться в туалет, однако Рокси схватила ее за руку и ткнула в лицо телефон.

– Вот черт, – сказала Элис.

Действительно, вот черт.

Улица была пуста. Пятнадцать минут назад перед ретро-кинотеатром «Вольта» мельтешили настырные болтливые

киноманы, но с началом сеанса воцарилась тишина, и у Одри появилась возможность полистать каталог моделей поездов. Не успела она его раскрыть, как в окошко кассы постучали.

Перед ней стоял Боберт Смит.

– Я видел твой пост в блоге.

– Правда? – Одри аккуратно положила каталог на стол. Она ожидала этого разговора и даже заготовила несколько фраз. – Полагаю, контент оказался слегка... шокирующим.

– Вот именно, – прошипел Боб. – Мы можем поговорить?

Одри знала – в кассе, за пуленепробиваемым стеклом, ей ничто не угрожает. В случае чего из зала на помощь прибегут контролеры.

– Минутку. – Она взяла телефон.

ДАМЫ, БОБЕРТ СМИТ ЗДЕСЬ. ОН ЗАЯВИЛСЯ
КО МНЕ НА РАБОТУ. КАК БЫ ЧЕГО НЕ ВЫШЛО.

– Вот черт, – сказала Элис. Действительно, вот черт. – Когда она это написала?

– Три минуты назад.

– О господи! Что сейчас будет?

– Понятия не имею. – Глаза Рокси загорелись от предвкушения.

Элис достала телефон, нашла блог @ПаровозикЧухЧух-Чух. Они с Рокси снова плюхнулись на диван и, словно хищники в засаде, принялись ждать, поминутно обновляя страничку в ожидании следующего твита. В какой-то момент появился Кервис, не оставивший попыток возобновить край-

не медленное соблазнение Рокси, но ни она, ни ее подружка не соизволили оторваться от телефонов. В конце концов он ушел, и две «дамы» продолжили свое бдение.

Наконец их терпение было вознаграждено.

ФУХ, ОН ТОЛЬКО ЧТО УШЕЛ. НАДО СРАЗУ ВСЕ ЗАПИСАТЬ, ЧТОБЫ НЕ ЗАБЫТЬ. КОРОЧЕ, ПОГНАЛИ.

В ОБЩЕМ, ОН ЗАЯВИЛСЯ КО МНЕ НА РАБОТУ. Я РАБОТАЮ КАССИРОМ В КИНОТЕАТРЕ. К СЧАСТЬЮ, ОН ПРИШЕЛ ПОСРЕДИ СЕАНСА, КОГДА ЗДЕСЬ ТИХО.

ТАК ВОТ, ПРИХОДИТ К КАССЕ И ГОВОРIT: «Я ВИДЕЛ ТВОЙ БЛОГ», ТАКИМ ТОНОМ, БУДТО ОН МНЕ ОТЕЦ РОДНОЙ.

Я ЕМУ: «ПРАВДА?» А ОН ТАКОЙ: «ДА». Я: «ПОЛАГАЮ, КОНТЕНТ ОКАЗАЛСЯ НЕСКОЛЬКО ШОКИРУЮЩИМ?»

Рокси расхохоталась и поставила записи лайк.

– Ты что делаешь? – изумленно спросила Элис.

– А в чем проблема?

– Он же это прочитает и увидит, что ты лайкнула.

– Ну и ладно. Все равно я больше его не увижу.

– Это правда. Так и будет.

А ПОТОМ ОН ЗАДВИГАЕТ ТЕЛЕГУ, ТИПА Я ДОЛЖНА НЕМЕДЛЕННО ВСЕ УДАЛИТЬ. ИНАЧЕ ОН МЕНЯ ЗАСУДИТ.

– Ты собираешься меня засудить? За правду?

– Нет, – ответил Боб. – Не знаю. Я глубоко не исследовал

этот вопрос. Но я считаю, ты могла бы проявить порядочность и удалить пост, не доводя дело до суда.

Положив голову на руку, Одри молча наблюдала за Бобом, как заскучавший ребенок разглядывает дикого зверя в зоопарке. За стеклом он казался не настоящим, будто персонаж из фильма.

– Похоже, ты расстроен.

– Конечно, расстроен! – На стекло брызнули капли слюны. – Зачем тебе понадобилось выкладывать это на всеобщее обозрение?

– Ты сам все выложил на всеобщее обозрение, когда сделал то, что сделал.

Боб кипел от ярости.

– Я же извинился! И заплатил за железную дорогу! Я дал тебе две тысячи сто баксов!

– Думаешь, купил мое молчание?

– Я не знал, что его нужно покупать. Зачем ты это сделала? Ты же разрушила всю мою жизнь. Для чего?

– Чтобы предупредить других. – Ему нечего было ответить. – В любом случае ничего я не разрушила. У тебя же вроде нет ни жены, ни детей. – Одри не ожидала, что ее последние слова уязвят Боба в самое сердце, но уже не могла остановиться. – Знаешь, что паршиво, Боберт? Ты считаешь, будто Нью-Йорк слишком большой и никто не узнает о твоей позорной выходке.

– Я же объяснил, у меня был трудный период.

– Да ладно, – рассмеялась Одри. – Ты просто ловил кайф. Боб изменился в лице.

– Кайф. – Он глубоко вздохнул. – Думаешь, я ловил кайф? В моей жизни нет места кайфу, Одри. Я работаю, сплю, иногда читаю книгу или смотрю фильм и каждые несколько дней встречаюсь с незнакомой девушкой.

ЗАБАВНО БЫЛО НАБЛЮДАТЬ, КАК БЫСТРО ОН СБРОСИЛ МАСКУ И ПОКАЗАЛ ИСТИННОЕ ЛИЦО.

– Я захожу на «Флиртариум», выбираю девушку – какую-нибудь заурядную, там таких много, и ты одна из них, – плачу за ее ужин, иду к ней, немного ею пользуюсь, возвращаюсь домой и ложусь спать. Я бы мог сказать, что это хобби, но на самом деле это часть режима, вроде мытья и чистки зубов. Я не ловил с тобой кайф, Одри, а всего лишь проводил время. – Напоследок Боб злобно процедил: – Надо действительно завести хобби. Железную дорогу, что ли, купить?

К счастью, Одри милосердно обобщила его излияния.

КОРОЧЕ, ОН ОБОЗВАЛ МЕНЯ ДЕШЕВКОЙ И СВАЛИЛ. ОФИГЕТЬ.

ЕЩЕ РАЗ ПОВТОРЮ: НИКОГДА НЕ ВСТРЕЧАЙТЕСЬ С БОБЕРТОМ СМИТОМ.

– Теперь – ни за что! – Рокси кое-как поднялась с дивана, слегка покачиваясь от вина и слишком большой дозы обезболивающего. – Найдем кого-нибудь другого, верно?

– Ага, – отозвалась Элис, по-прежнему глядя в телефон. Рокси протянула руку.

– Давай потанцуем.

– Сейчас, минутку, – ответила Элис. Рокси кивнула, начала танцевать и моментально влилась в мешанину рук, ног и туловищ.

Элис открыла фейсбук, увидела беседу со своим другом Бобом и его последнее сообщение: «Не сдавайся».

– Привет, – написала она.

Послание взлетело в небеса, отрикошетило от спутника и вернулось на землю, застав Боба в пустом вагоне метро. Он терялся в догадках, что Элис имела в виду этим «привет», и, втайне надеясь, что она не возненавидела его окончательно, ответил:

– Привет. Прости, что ушел не попрощавшись.

В ожидании сообщения, но не особенно на него рассчитывая, Боб впервые за несколько месяцев заглянул в ленту друзей.

У Эми Оттерпул все та же фотография на аватарке – с той же короткой стрижкой, из того же самого похода. Ее фотографировал Боб. Неужели снимок не вызывает у нее отрицательных эмоций, раз она разместила его на витрине своей жизни? Эми улыбалась – улыбалась ему, Бобу, думая о нем. Когда он снимал, она стояла в ручье, но на фотографии не видно. Об этом знают лишь они двое. Боб не разговаривал с Эми четырнадцать лет.

На самом деле Эми уже очень давно не заходила на фейсбук, потому и не обновляла профиль. Зато ее муж, Дуг... он-

то свой профиль обновил. Именно по этой причине Боб тогда и сорвался. Лежа в постели со спящей любительницей паровозиков, он кликнул на страничку приятеля Дуга и обнаружил новую фотографию – тот крепко обнимал волосатой лапой свою глубоко беременную жену Эми.

Наверное, она уже родила. Так и было. Теперь Боб ехал в метро, глядя на Эми, лежащую на больничной койке, но при полном макияже. Она и без косметики отлично выглядела, однако не верила комплиментам, поэтому всегда носила макияж. Над ней неуклюже нависал Дуг, они оба с безмерной любовью смотрели на крошечную новорожденную девочку, – именно так, как Боб и опасался.

Как же она улыбается. Боб бесчисленное количество раз заставлял Эми улыбаться. Он стал отцом сотен тысяч сестер этой улыбки. Только теперь улыбка другая. Она предназначена не ему.

Боб сунул телефон в карман, закрыл глаза и попытался нащупать ниточку, связывающую его с созвездием жизни Эми, но нашел лишь пустоту.

В кармане зажужжало.

– Ничего страшного, – написала Элис. – Ты поехал в центр?

– Да, – ответил он. – Откуда ты знаешь?

– Она написала в твиттере.

Боб заглянул на страничку @ПаровозикЧухЧухЧух и снова испытал жгучую боль – будто опять сломал только что

сросшуюся кость. У него не хватило духу ответить Элис. Она продолжила сама:

– Выходит, ты не новичок на «Флиртариуме».

– Да, у меня уже было несколько встреч.

– Сколько именно?

– Не знаю, не помню.

А я помню. Двести восемь. Много, но все же меньше, чем Бобу казалось.

– Мне пора, – сказала Элис. – В любом случае я считаю, нельзя судить человека по худшему дню в его жизни.

– Очень мило с твоей стороны, – отозвался Боб и с новой строки добавил: – думать, что это был худший день в моей жизни.

Через пару минут Элис нашла подходящий ответ, но когда снова открыла фейсбук, Боб уже удалил свой аккаунт.

У Чипа и его друзей-риелторов был общий чат в «слэке» под названием «Клиенты такие клиенты».

Чип не мог не поделиться свежачком.

«Сегодня показывал халупу на Пятой авеню. – Его друзья прекрасно знали эту квартиру. – Покупательница – красотка под тридцать, замужем за айтишником. Одета с иголоч-

ки, сразу видно – дорого. Дизайнерская сумочка, шикарная укладка, мейкап а-ля натюрель, что за парфюм, не знаю, но точно \$\$\$\$\$\$. Короче, высший класс. Через десять минут спрашивает, можно ли воспользоваться уборной. Честное слово, я думал, она скажет “попудрить носик”. ТАК ВОТ, ПРИКИНЬТЕ. Уходит она пудрить носик, я сижу туплю в телефоне и тут слышу – ГОВНО ПОШЛО В АТАКУ. Из-за двери доносится крихтеж, пердеж и плюханье. В общем, бр-р-р. Жаклин Кеннеди опорожняется в дряхлом сортире. А воняет – не передать! После ее ухода я час жег ароматическую свечу. Как будто бомж просрался. И да, квартиру она не купила. Полный пипец».

Друзья ответили многочисленными лайками и комментариями. В целом Чип все описал верно. Но он понятия не имел, что чувствовала Питтипэт, пока нутро бушевало и рвалось наружу, не видел, как крепко она стискивала сумочку, оставляя на черной лакированной коже следы ногтей, в то время как из нее извергалась кипящая лава. Питтипэт оказалась заложницей взбунтовавшегося кишечника. Единственное, что ей оставалось, – достать телефон и попытаться очутиться вне собственного тела, в виртуальном туре по шикарному лофту с панорамными окнами в районе Трайбека²⁴. «Я не здесь, – говорила она себе. – Все это не взаправду». Несколько восхиительных моментов она действительно находилась не здесь,

---

²⁴ Трайбека (TriBeCa от англ. “Triangle Below Canal Street” – «Треугольник южнее Канал-стрит») – престижный район на Манхэттене.

и все было не взаправду, а от вида на Гудзон захватывало дух.

Рокси и Элис потанцевали, потом решили налить себе выпить. По дороге на кухню Рокси вклинилась в разговор про «Темную сторону любви». («У Мэллори стофунтово би-полярка!», – заверила она девушку, наливающую гренадин. «Без вопросов!» – ответила та. «Она стофунтово выиграет!» – «Без вопросов!»)

Кухонные часы показывали полночь. Элис бросила взгляд на телефон.

ДОБРОЕ УТРО. ДО ТЕСТА ОСТАЛОСЬ 90 ДНЕЙ.

Они с Рокси сфотографировались с Сайленсом, потом еще выпили и еще потанцевали.

– Я не могу так проводить каждый вечер.

– Понимаю. Прости.

– Ты здесь ни при чем. Просто я уже чувствую, что за каждую секунду, не посвященную учебе, мне будет мучительно стыдно. Я должна бороться с искушением. Нужно как-то себя замотивировать.

Рокси немного поразмыслила.

– Давай так: если не будешь ежедневно заниматься, я при-

кончу тебя во сне.

Элис нервно расхохоталась.

– Я серьезно, – не успокаивалась Рокси. – Ты совсем меня не знаешь. Вдруг я убийца. Как думаешь, почему твоя комната освободилась?

Понимая, что завтра ей предстоит мучиться от похмелья и угрызений совести, Элис все же нашла в себе силы улыбнуться и подмигнуть.

– Ты ходячая авария.

– Пф-ф. – Рокси улыбнулась и отбросила рыжую гриву с заклеенного пластырями лица. – Кто сказал?

Глава 3

Говорит Господь

Луч света от кухонной лампы отразился от черных чернил на белой бумаге, полетел к роговице Элис, проник в переднюю камеру глаза, заполненную внутриглазной жидкостью, далее, сквозь зрачок, в заднюю камеру с внутриглазной жидкостью, а потом в линзу хрусталика, после чего вышел преломленным и очищенным и попал в стекловидное тело, заполненное стекловидной жидкостью (стекловидное тело, стекловидная жидкость – легко запомнить), затем на сетчатку, на которой расположены электромагнитные клетки-рецепторы (они же «палочки и колбочки», они же фоторецепторы), где биполярные нервные клетки преобразовали его в нервные импульсы, переправили их ганглионарным клеткам зрительного нерва, которые, в свою очередь, передали информацию нейронам зрительной коры головного мозга, и в результате сумбурное нагромождение углов и контрастов между светом, бумагой и чернилами сложилось в строчку: «Анатомическое строение нервной системы».

У Элис уже заболели глаза.

ДОБРОЕ УТРО. ДО ТЕСТА ОСТАЛОСЬ 87 ДНЕЙ.

Все мы рождаемся с нервной системой. Именно она определяет, чего мы хотим. Между нервной системой и окружающим миром находится тело. Оно определяет, что мы можем.

При удачном стечении обстоятельств эти две области пересекаются – простыня подходит к кровати, и все работает как надо. Однако в большинстве случаев «чего мы хотим» и «что мы можем» – пассажиры поездов, следующих параллельным курсом; они машут друг другу из окна, но не встречаются.

Все, чего хотела Памела Кэмпбелл Кларк, – вернуться на свою прежнюю работу в библиотеку, но из-за сокращения бюджета, вызванного падением спроса на библиотечные услуги, ее желание не могло осуществиться. Поэтому каждое утро Памела Кэмпбелл Кларк приходила в парк, бродила по дорожкам, думала о дочери и внучке, живущих в Калифорнии, а сегодня лишь на шесть секунд разминулась с велосипедом.

Все, чего хотел Брок, – ездить на велосипеде. Это было единственным его желанием с самого детства. Теперь он вырос и превратился во взрослого мужчину с курчавыми седеющими волосами и бородой, которая появлялась уже через несколько часов после бритья. Единственное, что изменилось, – скорость, с которой Брок хотел ездить на велосипеде; хотя по большому счету все осталось по-прежнему, ведь ответ всегда был один: еще быстрее. Этим летом он поставил себе цель – сделать круг по Центральному парку (шесть целых и одна десятая мили) за пятнадцать минут. Не так давно он мечтал уложиться в двадцать минут. Мечта сбылась. Теперь появилась новая.

Для достижения цели требовалось, чтобы велосипед-

ные дорожки Центрального парка оставались открытыми, несмотря на то что с начала года на них погибли двое пешеходов, а третий находился в тяжелом состоянии. Брок понял – если он хочет, чтобы его желание исполнилось, молчать нельзя. Он писал и звонил в офис мэра, посещал заседания городского совета и выступал от имени Союза велосипедистов – группы активистов, состоящей из Брока и двадцати четырех тысяч купленных ботов в твиттере.

Однажды утром пресс-служба мэрии выпустила заявление:

ДЛЯ НЕМЕДЛЕННОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

НЬЮ-ЙОРК – Центральный парк принадлежит всем нью-йоркцам, и все без исключения должны иметь возможность наслаждаться отдыхом, не опасаясь получить тяжёлые травмы или погибнуть. Внимательно изучив все доводы, проведя консультации с общественностью, техническими экспертами и представителями бизнеса, мэр принял решение поручить Департаменту транспорта ликвидировать вторую велосипедную дорожку в Центральном парке. Мы благодарны за мнение, выраженное представителями общественности, – разумеется, за исключением доставучих придурков из Союза велосипедистов, забросавших нас сообщениями по электронной почте и в твиттере и совершенно не представляющих, насколько их претензии высосаны из пальца. Нам, конечно, жаль, что вам,

самовлюбленным говнюкам, останется меньше места, чтобы разъезжать на своих убогих великах. Впрочем, есть и хорошие новости: карусель еще работает. Хотите кататься – катайтесь на ней.

Идите вы на фиг.

Мэр Арнольд Сп...

Прочитав это, Брок чуть не свалился со своего десятискоростного «Велоцитрона». Мэр Нью-Йорка издевается. Причем лично над ним, Броком. Мэр, за которого он, Брок, не голосовал, и никто из его знакомых тоже, имеет наглость... да как он смеет...

Брок так разозлился, что даже не смог придумать подходящего ответа. Вырвавшийся из груди рваный злобный лай, лишь отдаленно напоминающий смех, напугал оказавшуюся рядом белку.

– Это же просто шутка, разве не ясно? – пожала плечами Рокси.

Кервис не рассмеялся.

– Шутка?

– Ну конечно! Ты правда думал, что я серьезно?

– Считаешь, это ясно с первого взгляда?

– Э-э... да.

– И что заставило тебя пошутить подобным образом?

– Все равно этот текст никто не увидит.

– То есть ты в шутку написала текст, который все равно никто не увидит? – Рокси не нашлась, что ответить. – Если его никто не должен был увидеть, почему здесь указано: «Для немедленного распространения»?

– Это часть шутки! Кервис, мне очень, очень жаль. – Даже раскаиваясь, Рокси продолжала улыбаться. У нее роскошные губы. *Не сейчас, Кервис.*

– Я хочу понять – что на тебя нашло? Зачем ты это сделала? Твоя писанина бросает тень на мэра и его политику. Хуже не придумаешь. – Кервис был уверен, что его голос звучит твердо и профессионально. Ох, эти губы. *Успокойся, держи себя в руках.*

– Хуже, чем неправильно назвать его фамилию?

– Да.

– Точно? А то он очень нервничает, когда его фамилию произносят неверно. Кстати, не понимаю, зачем злиться. Ее очень просто перевернуть.

– Рокси...

– Вообще-то, когда скажешь правильно, она звучит совсем не так круто. Ему бы порадоваться, объявить всем, чтобы все говорили мэр Сп...

– Рокси! – Кервис встал. – По-твоему, я тут с тобой шутки шучу?

– Ой, нет, прости. Мне ужасно, ужасно, ужасно жаль, – сказала Рокси. По ее лицу невозможно было понять, притворяется она или нет. В случае с «ужасно, ужасно жаль» раскаяние выглядело подлинным, но это была лишь видимость, достигнутая многолетней практикой. К тому же бинты и пластыри придали ее облику беспомощности. Кервису хотелось поцеловать Рокси в шею, только момент казался неподходящим, ведь за столь серьезный промах кто-то должен понести наказание. Кервис сообщил об этом, и Рокси испугалась – или сделала вид, что испугалась.

– Это лишь глупая ошибка. Я набросала черновик и собиралась переписать все позже. Окончательный вариант совсем не такой, вот увидишь. Просто я случайно прикрепила к письму не тот файл.

– Мэр в ярости, Рокси.

– На его месте я бы тоже разозлилась. Видимо, тебе придется меня уволить. Если это в твоей власти. – Укол попал точно в цель. – Да, я виновата, но, честное слово, если завтра у меня еще будет работа, я стану относиться к ней со всей серьезностью.

Ребята с «Рая для пикаперов» постоянно дразнили Кервиса за то, что тот до сих пор не замутил со своей знойной рыжей помощницей. («Моя Телефонечка» – так отзывался о ней Кервис, поскольку большую часть времени Рокси проводила, уткнувшись в телефон.)

«Чувак, если ей не присунешь, ты слабак», – написал Оза-

боченный (он не упоминал свое настоящее имя, иначе обитатели «Рая для пикаперов» сразу поняли бы, что Шейн Риккелл из городка Браунвотер, штат Флорида, дважды разведенный отец троих детей, арестованный в две тысячи восьмом за кражу тапочек для боулинга, – не тот человек, к чьим советам стоит прислушиваться).

«Знаю, ты прав», – ответил ему Кервис. Перед ним открылась прекрасная возможность, однако он понимал, что ничего не выйдет.

– Ладно, посмотрим, что можно сделать. Постараюсь выпутать тебя из этой передраги, но ничего не обещаю.

Рокси вздохнула с облегчением.

– Кервис, – прочувствованно проговорила она. – Ты мой лучший друг.

– Угу. – *Черт, ничего не получится.* – Не заставляй меня об этом пожалеть.

– Конечно, обещаю.

Рокси мило улыбнулась, и Кервис подумал: а вдруг он ошибался? Вдруг он тоже ей нравится? Может, не придется долго мучиться – скоро представится подходящий случай, и они упадут друг другу в объятия. В жизни ведь всякое бывает.

Рокси вернулась на рабочее место и включила телефон. В этот момент ей пришло сообщение с незнакомого номера: «Как же я хочу тебя чпокнуть».

Билл прочел уже шестьдесят страниц из стопки ксерокопий, когда в огромном зале гулко разнесся чей-то голос:

– Привет.

Он поднял голову. В противоположном конце читального зала библиотеки Батлера из-под зеленой лампы сверкнули серые глаза.

– Привет.

– Я Анук.

Билл помахал рукой.

– Привет, Анук. А я Билл.

– Хочу Вот Это, – произнесла она, словно уточняя.

– Да, это я.

– Круто. Что делаешь?

– Читаю.

– Я тоже. Добралась до того места, где Сиддхартха в двадцать девять лет впервые вышел за пределы дворца. Теперь мой жизненный выбор не кажется таким уж неудачным.

– Давай я подойду к тебе, чтобы не кричать на всю библиотеку.

– Давай, но мы все равно здесь одни.

– Не-а, – раздался третий голос.

Этот голос – мы так и назовем его, Третий голос, – донесся

будто издалека, вероятно, из-за какого-то стола.

– Извините.

– Да, извините.

– Ничего, – отозвался Третий голос. – Кто-нибудь хочет выпить?

– Рановато еще, – засмеялась Анук.

– Вы здесь надолго? – не сдавался Третий голос.

Кто это? Один из сокурсников?

– До победы, – ответил Билл. – То есть до закрытия.

– И я, – поддержала Анук.

– Ну ла-а-адно, – протянул Третий голос. – Как насчет выпить после закрытия? На Амстердам-авеню есть бар под названием «Проблейз». Знаете его?

Анук и Билл переглянулись и молчаливо согласились: почему бы и нет?

– Тот, который рядом с «Пекарней»? – уточнила Анук.

– Ага, – подтвердил Третий голос.

– Обожаю это место.

Билл взглянул на часы.

– Что ж, через десять часов сорок минут идем в «Проблейз».

– И в дождь, и в солнце, – сказал Третий голос. – Поскольку к тому времени наступит ночь, вместо солнца будет сияние звезд.

Анук и Билл снова переглянулись. Билл соорудил рожу: этот парень чокнутый? Анук пожала плечами.

– Договорились, – сказала она.

– Ну ла-а-адно, – протянул Третий голос. В читальном зале вновь воцарилась тишина.

– «Как же я хочу тебя чпокнуть», вот что там было написано. Я сперва подумала: «Ни фиги себе...», а потом: «Что?!» Кто говорит «чпокнуть»? Самое несексуальное слово всех времен. В любом случае понятия не имею, кто мне написал. Сначала я решила, что это Кервис – помнишь Кервиса с вечеринки? – но потом вспомнила: у меня же записан его номер, если он не завел себе запасной, специально для сообщений про «чпокнуть». Он, конечно, на меня запал, и, честно говоря, мне от этого немножко противно, только он не из тех, кто пишет «чпокнуть». Если вообще есть такие. Реально, кто всерьез говорит «чпокнуть»? Клоуны? Слово «чпокнуть» ассоциируется у меня только с клоунами. Ну вот, теперь я представила, как этим занимаются два клоуна. Куда ты собралась?

Элис застыла на месте, не успев положить толстый желтый учебник в сумку.

– Я...

– Мне казалось, утром ты хотела позаниматься здесь.

Так оно и было. Преисполненная намерений ударно потрудиться, Элис устроилась за кухонным столом и даже прочитала целых полторы страницы, но на лестнице раздался топот и в квартиру ввалилась Рокси, дабы поведать о полученном непристойном сообщении.

– Ну... я думала, ты сегодня на работе.

– Меня отправили в город с поручением. Все знают, что в таких случаях я ухожу на целый день, поэтому я вернулась домой. Я тебе мешаю?

Элис решила позаниматься где-нибудь в другом месте. Так будет лучше. Не важно, насколько серьезно ты относишься к занятиям и насколько услаждает взор голубое дерево на кухне, бывают летние деньки, когда просто невозможно сидеть в подвале. Сегодня был именно такой день; стоило Элис выйти на улицу, как она тут же в этом убедилась. С каждым шагом шлепанцы слегка прилипали к нагретому асфальту.

За углом располагалась «Пекарня» – старое уютное заведение, в котором поколения студентов Колумбийского университета занимались тем, чем намеревалась заняться Элис: сидеть на одном месте весь день напролет. В течение учебного года за простыми разномастными столами теснились многочисленные посетители, но сегодня в зале стояла тишина, кругом полно свободных мест, и никакой очереди в кассу. Элис заказала кофе и маффин, выбрала столик у черной стены (при ближайшем рассмотрении выяснилось, что стены от

пола до потолка покрыты грифельной краской) и села на банкетку, такую же, на какой когда-то сидела за роялем. При попытке проверить почту обнаружилась одна деталь, за которую Элис полюбила «Пекарню» еще сильнее: здесь не было вай-фая, а мобильная связь ловила отвратительно. Сообщение загружалось целую вечность, так что у нее не оставалось другого выбора, как приступить к работе. *Пора заниматься, Гуничка.* Элис открыла учебник и вернулась к изучению строения мозга: варолиев мост, мозжечок, средний мозг и таламус.

Утро в «Пекарне» шло своим чередом. Одни лица сменялись другими, и только Элис Квик оставалась на месте. В какой-то момент рядом устроились три девушки и начали оживленную беседу на непонятном языке – кажется, на венгерском. Элис не пыталась вникнуть в их разговор. Через столик от нее сел парень, которого она где-то видела. Классическая игра: знакомый или знаменитость? Элис не стала выяснять – учеба важнее.

Периодически в голове – точнее, в орбитофронтальной коре головного мозга – возникала мысль о телефоне. Когда это происходило, глаза по-прежнему сканировали страницу, а рука нащупывала в сумке телефон, чувствовала его вес, ощущала прохладу стекла и металла. Однако Элис продолжала читать, а демонстративный отказ прерываться ради дозы дофамина сам по себе порождал впрыск дофамина прямо в прилежащее ядро мозга, также известное как центр удо-

вольствия. Элис поздравила себя с тем, что ей не нужен ни инстаграм, ни фейсбук, ни «Ловец жемчуга», ни...

Так вот кто это!

Она вынула из сумки телефон – осторожно, чтобы молодой человек, сидящий через столик от нее, не видел, – открыла «Ловец жемчуга» и нашла свежий пост, написанный Гровером Кайнсом, специалистом по этике и любимым автором Элис на этом сайте. Тексты Джинзи Милано вызывали искренний смех, зато колонки Гровера Кайнса брали за душу. Элис часто размышляла об одной из них, написанной в ответ на письмо читателя о том, не рано ли признаваться в любви в самом начале отношений. Вот что написал Гровер Кайнс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.